

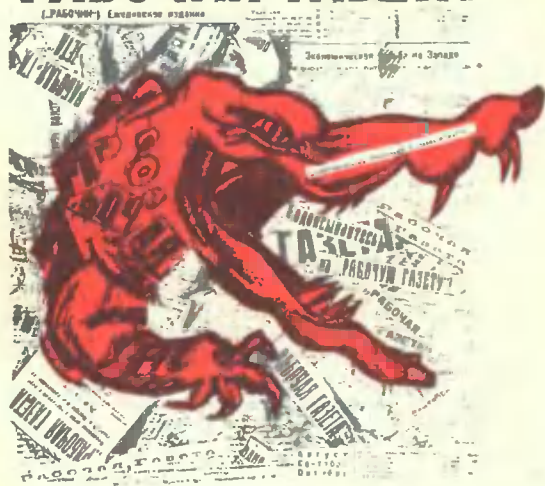
БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

11
(664)

ВОСКРЕСЕНЬЕ
27 августа 1922 года

№ 1 (13).

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

— Неоплаченное приложение

**О ВРЕМЕНИ
И О СЕБЕ**

КРАТКИЕ АНКЕТНЫЕ ДАННЫЕ

Фамилия, имя, отчество: Крокодил, просто Крокодил.

Год рождения: 1922.

Место рождения: Город Москва, Охотный ряд.

Пол: Мужественный.

Национальность: Русский, всесоюзный.

Партийность: Партия с дня рождения.

Образование: Пытаюсь защитить степень бакалавра Смеиховедческих Наук.

Семейное положение: Имею 19 братьев и сестер в союзных и автономных республиках Советского Союза.

Профессия: Шутник.

Имеете ли родственников за границей: Имею, и довольно много. Вот они: «Стыршел» в Болгарии, «Лудаш Мати» в Венгрии, «Ойленшпигель» в ГДР, «Паланте» на Кубе, «Тоншуул» в Монгольской Народной Республике, «Шпильни» и «Карузела» в Польше, «Уркина» в Румынии, «Дикобраз» и «Рогач» в Чехословакии, «Еж» и «Павлиха» в Югославии.

Имущественное положение: Недвижимой собственности не имею. Движимая собственность — 5 миллионов эземпляров, которые каждые десять дней движутся на самолетах, поездах, на автомобилях и с помощью человеческих рук — от читателя к читателю.

Место работы в данное время: Москва, Бумажный проезд, дом 14.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Из моей крокодиловой биографии

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА. 1972**

И. АБРАМСКИЙ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

ДЯДЯ КОСТЯ

В 1922 году в бывшем трактире купца Воробьева в Охотном ряду из иллюстрированного приложения к «Рабочей газете» родился сатирический журнал «Крокодил».

Полвека прошло с тех пор, но живой образ его организатора и первого редактора Константина Степановича Еремеева так ярко стоит перед глазами, точно это происходило вчера.

В этом ладно скроенном человеке было так много расположения к людям и самого искреннего доброжелательства, что на Дядю Костю¹ никогда не обижались, хотя он был на редкость прямым человеком. Смело резал он правду-матку в глаза вне зависимости от того, какое место на служебной лестнице занимал его собеседник.

Прошедший суровую жизненную школу от простого столяра до профессионального революционера — видного деятеля Октября, одного из первых редакторов большевистской «Правды» в 1912 году, К. С. Еремеев обладал даром организатора, умел увлечь редакционный коллектив.

Под его руководством работалось удивительно легко и радостно, хотя обстановка подчас была далеко не веселой и трудности приходилось преодолевать немалые.

Характеризуя К. С. Еремеева, можно с полным правом употребить такие эпитеты, как непреклонный, неутомимый, негиббемый. Но для того, чтобы получился живой Дядя Костя, необходимо обязательно добавить: добрейший и душевнейший. Таким был и остался в нашей памяти этот замечательный редактор-большевик.

¹ Партийная кличка К. С. Еремеева.

Константин ЕРЕМЕЕВ

Дружеский шарж Вор. Ефимова

номере появились фельетоны Михаила Кольцова, писавшего под псевдонимом «Какдид», Н. К. Иванова-Грамена — будущего редактора «Крокодила», поэта Михаила Пустынина. Появился в этом номере и первый рисунок молодого Бориса Ефимова.

На страницах приложения начали регулярно печататься Демьян Бедный, В. И. Лебедев-Кумач, Александр Неверов.

Наш первый редактор придумал и название раздела «Вилы в бок!», быстро ставшее нарицательным: «Смотри, попадешь на вилы!», «Получит он вилы в бок!..»

По мысли Константина Степановича, заметки этого раздела должны быть краткими, острыми, злободневными, неотразимо обличающими конкретных носителей зла — бюрократов, подхалимов, лодырей, взяточников, самогонщиков, очковтирателей и тому подобных типов.

За полвека существования «Крокодила» на его страницах сменились сотни рубрик, но единственной «долгожительницей» оказались еремеевские «Вилы в бок!», которые верой и правдой служат журналу и поныне.

Как-то зимой 1923 года, всего через полгода после создания журнала, Дядя Костя позвал нас и торжественно положил на стол письмо одного каменичка из Саратова:

«Дорогой Крокодил!

Знай, что мы гордимся тобой, потому что бюрократы и волокитчики, с тех пор как ты родился на свет, начали побаиваться и десять раз почешут в затылке,

прежде чем подстроить любую каверзу: как бы в «Крокодил» не попасть!..»

Василий Иванович Лебедев-Кумач откинул по привычке прядь непокорных рыжих волос и сказал:

— Дядя Костя, как это здорово: «В «Крокодил» попадешь» стало уже поговоркой. Значит, наш журнал завоевал настоящую популярность!..

— Это еще только начало,— мечтательно промолвил Константин Степанович.— Помяните мое слово, «Крокодил» будет иметь полумиллионный тираж!..

Первому редактору журнала не суждено было дожить до этого радостного дня. Полумиллионным тиражом был напечатан специальный номер журнала, посвященный авиации. Было это в 1933 году¹.

Дядя Костя придумал еще одну интересную форму подачи материала. Он предложил награждать орденом «Крокодила» 1-й и 2-й степени наиболее зловредных бюрократов, волокитчиков, чинуш, торозящих работу государственного аппарата.

В журнале помещался текст «крокодильского рескрипта», в котором вместе с сообщением о награждении имярека орденом за такие-то деяния читатели приглашались посылать удостоенному «ордена» бюрократу поздравления.

Успех этой затеи был удивительным. Награжденные с ужасом ожидали визита почтальона, который бросал на стол увесистую пачку «приветствий» от читателей журнала. Здесь были и ехидные стихи, и рисунки, и письма от целых коллективов фабрик и заводов.

Легко себе представить, какое впечатление на «орденоносцев» производило это подлинно общественное осуждение. Оно было во много раз действеннее, чем административные взыскания.

С № 4 «Крокодил» сразу заметно подрос. Он перешел на большой формат, который сохранился до нынешнего времени.

В этом номере появилось первое стихотворение В. В. Маяковского «Нате — басня о «Крокодиле» и подписной плате», с помещением которого связан единственный инцидент, происшедший между Еремеевым и Маяковским.

Владимир Владимирович знал Дядю Костю давно и очень его уважал. Принесенная поэтом басня редактору очень понравилась.

— У меня к вам только одна маленькая просьба,— обратился Дядя Костя к Маяковскому.— Нельзя ли вашу стихотворную лестницу свести в обычные, нормальные строки? Стихи хорошие, а почему читать их трудно...

— Константин Степанович,— заволновался Владимир Владимирович,— неужели вы думаете, что это просто моя блажь? Я ищу в та-

¹ См. очерк «Крокодил в небесах», стр. 18—22.

ком построении стиха новую выразительность, обострение чувства ритма, которое должно передаться читателю.

— Владимир Владимирович, самое ценное для писателя — доходчивость его произведений до массового читателя, а вы сами осложняете восприятие своих стихов...

— Нет, Дядя Костя, вы меня не убедите...

Тогда Константин Степанович предложил:

— У нас послезавтра читательская конференция на заводе. Выступите лично и прочтите эти ваши стихи из будущего номера.

Маяковский охотно согласился. Известно, как любил он выступать перед массовой аудиторией и как блестяще читал свои произведения.

В этот вечер поэт был в ударе. После выступления, вызвавшего бурные аплодисменты, раскрасневшийся и возбужденный, он подошел к Еремееву, стоявшему за сценой, и спросил:

— Ну как, Дядя Костя? А вы говорили, что мои стихи непонятны!

— Да, но ведь нельзя же возить автора на квартиру к каждому читателю, не правда ли? Вас не хватит. На слух звучит действительно великолепно, а вот если про себя читать, то неискушенный человек обязательно споткнется на вашей лестнице!

— Ничего, Константин Степанович,— рассмеялся Маяковский,— привыкнут читатели к моим ступенькам. И еще как резво будут по ним подыматься к новой поэзии!..

Когда создавался «Крокодил», в Москве и Ленинграде выходило несколько юмористических журналов. Все они пробаивались одним и тем же замкнутым кругом привычных тем: очередной залп по тещам, смешной случай в бане, дежурный рассказ о парикмахере, который так брил клиентов, что у порсга его заведения дежурила карета «Скорой помощи»... Наиболее «актуальным» оказывалось бывальское брюзжание по поводу очередей у магазинов...

— Все эти журналы — мотыльки-однодневки,— не уставал повторять нам Константин Степанович.— Вспорхнут, помашут яркими крыльшками и — конец! Они плохо связаны с жизнью. У них нет корней, уходящих глубоко в народные массы. Их сотрудники высасывают материал из пальца. Они ленивы и нелюбопытны и если покидают редакцию, то только для того, чтобы добраться до ближайшей пивной. А мы будем делать журнал по-иному. Вспомним, откуда родился успех нашей дореволюционной «Правды». От знаменитой страницы рабочих писем. Сама жизнь ворвалась вместе с ними на газетные полосы. Рассказы и заметки о повседневных нуждах рабочих прочными нитями связали редакцию с народом, увидевшим в родной газете своего заступника и боевого друга. Так же должны подходить к делу и мы, крокодилы. Вот вам живой пример — Демьян Бедный...

И Дядя Костя кивал на улыбающийся круглый лик Ефима Алексеевича Придворова — постоянного участника редакционных совещаний.

В самом деле, в своих знаменитых баснях, передававшихся из уст в уста после того, как они были напечатаны на страницах дореволюционной «Правды», он беспощадно разоблачал прогнивший самодержавный строй, был его могильщиком. А после Октября Демьян в первых же номерах «Правды» выступил уже как строитель новой жизни. Демьяновская сатира быстро нашла нужный прицел и стала энергично разить врагов Советов. Не успел родиться «Крокодил», как Демьян Бедный, несмотря на свою солидную комплекцию, легко снялся с места и отправился в свой первый рейд на Сормовский завод... Действительно, это был сатирик нового, большевистского типа.

Демьян Бедный горячо разделял точку зрения своего близкого друга К. С. Еремеева на советскую сатиру как на верную помощницу партии. Обращаясь к читателю совсем еще юного тогда «Крокодила», он писал:

Кто может указать сокрытые преступления
Или обнаружить застоявшуюся грязь,
Пишите нам письма без промедления,
Держите с нами деловую связь.

Потому —
Крокодилу самому
Не добраться до каждой щели и до каждого
каналца,
А мы не хотим высасывать материал из
пальца.
Печатаем мы краснокрокодильские тетради
Не зубоскальства ради,

Демьян БЕДНЫЙ

А чтоб предавать карающему смеху
Все, что составляет для Советской власти помеху,
И всех, кто совершает преступления или глупости
По злому ли умыслу или по тупости!

Еремеевская точка зрения на сатиру и ее роль в социалистическом строительстве пришлось совсем не по душе иным литераторам, которые презрительно называли «Крокодил» «всероссийской стенгазетой» и предпочитали печататься в легковесных юмористических журнальчиках, где можно было, по их мнению, «отвести душу». В числе сотрудников этих журналов были талантливые люди, не обременявшие себя, однако, думами о политической направленности сатирического оружия.

Годы шли, и жизнь показала, кто был прав. Единственным сатирическим журналом, который выдержал испытание временем, оказался «Крокодил».

КАК ЭТО БЫЛО

Создатели и отцы нового сатирического журнала, поздравляя друг друга, чуть не поссорились из-за имени новорожденного.

— В самом деле, как его назвать?

Один из кабинетов «Рабочей газеты» плыл в синеве табачного дыма. Отцы спорили долго и настойчиво, но имени не было.

— Гром! — пробасил с окна Черемных.

— Среди ясного неба? Не пойдет! Давайте что-нибудь индустриальное!.. — кричал Архангельский.

И названия потекли сплошным потоком: Алмаз, Бурав, Рашпиль, Шило, Клещи, Сверло, Винт, Молот, Зубило, Рубанок, Тиски... Казалось, были перечислены все возможные кусачие, колющие, пилящие, стругающие и шлифующие предметы, которые только существуют на свете, но Константин Степанович безжалостно браковал все подряд.

Уже подготовили весь первый номер, а названия журнала так и не было. Помню, как первый директор издательства «Рабочей газеты» А. И. Ратнер пришел к Дяде Косте и драматически застонал:

— Поймите, Константин Степанович, так больше продолжаться не может! В четверг мы должны начать печатать журнал, а названия нет...

Немедленно была дана команда: «Свистать всех наверх!» Через пять минут в кабинете редактора началось последнее авральное совещание по вопросу о названии журнала.

Дядя Костя безапелляционно заявил:

— Дорогие друзья! Приходит конец нашим спорам и диспутам. Сегодня никто из присутствующих не выйдет из этой комнаты, пока не будет придумано название нашего сатирического журнала. Шутки в сторону!

Это ответственное совещание началось в два часа, но и в девять часов вечера, когда комната успела до отказа заполниться густыми облаками табачного дыма, названия еще не было. Заноза, Репейник, Крапива, Жало, Перец, Оса, Еж, Шмель, Ерш, Ястреб, Волкодав, Скорпион были похоронены одно за другим.

— «Обойма», — уныло фантазировал кто-то.

— «Тачанка»!

— «Колючка»!..

— А почему не назвать наш журнал «Крокодил»? — неожиданно предложил Сергей Гессен, член редколлегии «Рабочей газеты».

И тут Дядя Костя стукнул кулаком по столу, вынул изо рта неизменную трубку, что он делал только в особо ответственные минуты, и безапелляционно возвестил:

— Журнал будет называться «Крокодил»!

— Почему «Крокодил»? Такое неприятное животное! — слышались шумные протесты. — Несимпатичное! Скользкое! Брррр...

Константин Степанович встал и, перекрывая своим сильным голосом шум в комнате, спросил:

— Кто редактор будущего журнала?

— Вы, Дядя Костя!..

— Так вот, объявляю во всеулышание: журнал будет называться «Крокодил». Постановление окончательное и обжалованию не подлежит! А как сделать крокодила симпатичным и даже обаятельным — это уже зависит от вас, художников и литераторов...

И вот 27 августа 1922 года сквозь «прорванную» полосу «Рабочей газеты» высунулась пасть красного крокодила. Такую обложку первого номера журнала нарисовал талантливейший карикатурист Иван Андреевич Малютин, ставший вместе с М. М. Черемныхом и Д. С. Мором одним из основных художников журнала.

Дядя Костя оказался совершенно прав: крокодил получился у художника очень энергичным, решительным, даже яростным, но в то же время и привлекательным.

Иван МАЛЮТИН

В НАШЕЙ БУЧЕ, БОЕВОЙ, КИПУЧЕЙ...

Хотя Дядя Костя проработал в журнале всего два года, он привил редакционному коллективу стремление сделать журнал как можно более доходчивым, близким широкому читателю, желание проникать в самые отдаленные уголки нашей необъятной страны, на самые передовые участки социалистического строительства.

Литературным секретарем журнала был Василий Иванович Лебедев-Кумач. Этот большой поэт полностью и безраздельно отдавая работе в новом журнале, она его захватила и увлекла.

Весь редакционный аппарат состоял тогда всего из семи человек, включая курьера, а «Крокодил» выходил четыре раза в месяц на шестнадцать страниц. Естественно, В. И. Лебедеву-Кумачу приходилось очень много времени отдавать чисто технической работе. Он безропотно держал корректуру, писал ответы на читательские письма, заказывал материалы, созывал совещания. Но все это не шло в сравнение с тем количеством времени, которое он уделял массовой работе.

Речь идет о выступлениях сотрудников «Крокодила» в заводских клубах. Обычно наши рабкоры предварительно приносили в редакцию факты для такого выступления, но случалось и так, что мы приезжали на тот или другой завод, еще не имея на руках ничего конкретного. В таких случаях приходилось часа за два-три до выступления самим собирать необходимые факты, а потом Василий Иванович вписывал этот материал в заготовленный заранее «каркас» фельетона.

Когда стихи были готовы, Лебедев-Кумач забирался в нутро сделанного из папье-маше красного крокодильего чучела и выходил в таком виде на сцену.

Когда же он вылезал из чучела, на его лице неизменно сияла счастливая улыбка. Ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения давало ощущение полезности и важности этой работы. После выступлений к нам на сцену сконфуженно являлись многие из упомянутых Кумачом-крокодилом хозяйственников, прогульщиков, нерадивых культработников и твердо обещали исправиться. «Рецидивистов» же мы по сигналам рабочих продергивали уже на страницах журнала.

Так же страстно и увлеченно отдавался работе в журнале и будущий автор талантливых литературных пародий и эпиграмм Александр Григорьевич Архангельский, печатавшийся в «Крокодиле» под псевдонимом «Архип». Уже в № 9 журнала появился его первый стихотворный фельетон «Путешествие Крокодила на Кубань». Это был подлинный энтузиаст нашей массовой обличительной работы. Он, как и Лебедев-Кумач, много ездил по стране, выступал в завод-

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ских клубах со своими острыми фельетонами на местные темы. Уже тогда больной туберкулезом, он обливался потом, вылезая после очередного выступления из крокодильего чучела, но неизменно испытывал такое же большое чувство удовлетворения, что и Лебедев-Кумач. Позже А. Г. Архангельский вспоминал: «За первые четыре года своего существования Крокодил побывал на заводах Урала и Нижегородского края, на рудниках Донбасса, на нефтяных промыслах Грозного и Баку, на фабриках Московской области, в Твери и Иваново-Вознесенске, не говоря уже о Москве, где трудно найти хоть одно предприятие, на котором не побывал бы Крокодил».

Популярность журнала быстро росла, с каждым днем увеличивалось количество рабочих корреспонденций. Многих из них редакция не могла использовать на страницах журнала из-за нехватки места. Между тем в письмах нередко речь шла о таких недостатках, критику которых необходимо было подкрепить авторитетом «Крокодила».

Вот тогда и родилась в редакции мысль о создании на заводах и фабриках уголков «Крокодил у нас». Мы изготовили несколько тысяч бланков, на которых была изображена фигура пишущего Крокодила. На каждом бланке печаталась на машинке сатирически обработанная корреспонденция о непорядках на заводе. Этот листок посылался в стенгазету предприятия, о котором шла речь в заметке. Иногда уголок «Крокодил у нас» вывешивался прямо на доске объявлений.

Действенность уголков «Крокодил у нас» была очень велика. Шутка ли: сам Крокодил явился в гости к рабочим!

Вспоминается световая газета «Крокодила». На крыше нашего дома в Охотном ряду был устроен большой экран, который в один прекрасный вечер вспыхнул яркими красками цветных диапозитивов. Наряду с фотографиями и информацией видное место в световой га-

зете занимала сатира. Рисунки для ее первого номера дали М. Черемных и Д. Моор.

Успех этого начинания оказался даже чересчур шумным.

В середине сеанса к нам на крышу, запыхавшись, поднялся уполномоченный административной инспекции.

— Товарищи, демонстрацию придется прекратить! — решительно сказал он.

— Это почему? — поинтересовались мы.

— Да вы посмотрите, что делается в Охотном!

Мы подошли к решетке, огораживавшей плоскую крышу, и, посмотрев вниз на улицу, отпрянули в изумлении. Остановились трамвай, ходившие тогда по Охотному ряду, сгрудились автобусы, извозчицы пролетки. Толпа загроудила всю широкую улицу между Домом союзов и зданием нашей редакции, парализовав движение на одной из основных городских артерий.

Пришлось перенести показ световой сатирической газеты в рабочие районы города, где она пользовалась не менее шумным успехом.

К Первомайским торжествам 1932 года крокодилцам пришла в голову идея превратить Кузнецкий мост в улицу Сатиры. Президиум Московского Совета поддержал эту инициативу.

Над улицы повис на проволоке доллар. Что с ним? Почему он накренился? Это объясняла табличка: «Осторожно! Падает!»

Решетку у дома, где помещался Промбанк, крокодилцы превратили в стену огромной клетки, где под надежным запором сидели хищники, убийственно разрисованные художниками Ротовым и Ганфом. Здесь были и алчный тигр-колониалист, и лев-империалист, и социал-соглашательская гиена...

Массовая работа редакции приобрела широкий размах при М. З. Мануильском, который был назначен редактором «Крокодила» в мае 1930 года. Только в 1931 году на заводы и новостройки страны выезжало 36 бригад «Крокодила», на 47 предприятиях работали литераторы и художники-карикатуристы. В фабрично-заводской печати были выпущены 123 странички «Крокодила», в журнале помещены 63 сменных полосы, посвященные крупнейшим новостройкам пятилетки.

Одним из самых больших энтузиастов массовой работы был Л. Д. Митницкий. Не помню случая, чтобы он отказался от предложенной редакцией поездки. Добрую половину своей жизни фельетонист провел в бесконечных путешествиях по стройкам пятилеток, на многих из них он жил и работал месяцами. Вот отрывок из его письма в редакцию с подшефной фабрики «Сокол»:

«...Мы увидели, что шеф-Крокодил здесь популярен. Наше шефство ценят. Оно оцутимо. Это нас окрылило... Мы заполнили цеха стихотворными лозунгами с маркой «Крокодила». Дали в «Сухонском ударнике» несколько литературных страничек, созываем рабкоров,

устраиваем литературный вечер, консультируем кружковцев. Я нарисовал карикатуры, которые висят на заборе у проходной...»

Формы массовой работы наших бригад были самые разнообразные. Выпускали по местному радиоузлу «Голос Крокодила», световые сатирические газеты с цветными карикатурами на злобу дня, листовки-«молнии» в цехах, плакаты, сатирические «уголки» в местных газетах — всего и не перечислишь.

Интересный метод агитационной работы придумал участник бригады «Крокодила» на Днепрострое Константин Ротов. Он нарисовал плакат-памятку самому отстающему участку, который должен был висеть до тех пор, пока бригады этого участка не начинали выполнять план. Тогда этот плакат как своеобразную эстафету передавали другому отстающему участку.

В плакатах и листовках-«молниях» на Кузнецкстрое и других новостройках пробовали свои силы члены кружка рабочих-карикатуристов при редакции «Крокодила». Кстати, одним из воспитанников этого кружка является талантливый художник Юрий Узбяков.

В 1931 году по просьбе общественных организаций Магнитостроя редакция взяла шефство над этим гигантом индустрии первых пятилеток. Ударники Магнитостроя телеграфировали редакции: «Магнитострой вступил в ответственный период. Добиться окончательного перелома, бороться за большевистские ударные темпы во многом могут помочь нам «Рабочая газета» и журнал «Крокодил» — массовые издания Центрального Комитета нашей партии. Мы надеемся, что они осветят наши достижения и недостатки и крепко будут бить по узким местам, а «Крокодил» будет сажать на вилы тормозящих магнитогорское строительство...»

Работа сменных бригад, состоящих из литераторов и художников-карикатуристов, продолжалась непрерывно в течение года. Особенно отличились крокодилы на стройке доменного цеха.

СЛОВО БОЛЬШОГО ДРУГА

Мало кто помнит, что однажды в редакцию «Крокодила» прислал письмо Алексей Максимович Горький. Оно было помещено в № 2 журнала за 1929 год.

«Уважаемый т. Крокодил!

Разрешите обратить Ваше внимание на прилагаемую карточку. На мой взгляд — она нуждается в комментариях, которые именно Вы умеете давать кратко и выразительно.

С приветом
М. Горький».

А вот и карточка. Она составлена центральным бюро каталогизации Главполитпросвета для местных библиотек и излагает содержание романа И. Эльяшберга «Раввин и проститутка».

«История благородного, умного и красивого раввина Боруха-Манделя, во время мировой войны приехавшего в Москву и влюбившегося в красавицу-аферистку Настеньку, у которой он провел ночь, спасаясь от полиции. В романе фигурируют также добряк Давид Маркович, его гражданская жена, славная Авдотья Спиридоновна, добродушный говорун Файвель и другие добрые евреи и славные русские».

«Крокодил» сопроводил эту цитату таким примечанием:

«Из карточки явствует, что «добродушные говоруны» встречаются не только в романах Эльяшберга, но и в Главполитпросвете и даже — увы! — в Главлите. Свет не без добрых людей, как говорится».

Как-то вскоре после этого М. З. Мануильский позвонил Алексею Максимовичу с просьбой принять его для беседы.

А. М. Горький охотно согласился, но насчет даты встречи обещал позвонить сам: он заканчивал срочную работу.

Разговор состоялся примерно недели через три в уютном кабинете Алексея Максимовича в просторном особняке на Малой Никитской.

Когда зашла речь о «Крокодиле», Алексей Максимович своим глубоким, по-особому гулким голосом заметил:

— Самое лучшее, что есть в журнале,— это фактический материал. Чувствуется, что в редакции любят читательские письма и умеют над ними работать. Это самый большой комплимент, который можно сделать массовому изданию. Молодцы, прямо говорю — молодцы! Вот только не нравится мне, когда вы в своих репликах к «вилам в бок» начинаете угрожать прокурором, милицией. Это — свидетельство вашей литературной слабости, неумения остроумно подать материал. Пригрозить судом может домашняя хозяйка своей соседке на кухне, а вы, литераторы, извольте действовать собственным оружием: ярким сравнением, колкой репликой, оригинальной игрой слов... Кстати, не могу забыть поистине замечательного рисунка в вашем «Крокодиле» насчет коммунальной кухни. Удивительный талантище ваш Ротов. Какой типаж, сколько остроумия, издевки над этими страшными обывателями!..¹

Алексей Максимович весело рассмеялся, но тут же глухо закашлялся.

— Чертовски здорово!.. По-моему, уже года два или три назад видел этот рисунок, а до сих пор помню... Да, художники у вас

¹ Имеется в виду рисунок К. Ротова «Маленькие разногласия на общей кухне по поводу исчезновения одной иголки для прочистки принмуса».

Николай ИВАНОВ-ГРАМЕН

ны ваши слабоваты, очень слабоваты. Прежде всего они мелкотравчаты. Вы не концентрируете огонь по крупным мишеням, по узловым проблемам, которые стоят перед советским обществом. Очевидно, вы боитесь, что столь серьезные вопросы трудно решить в сатирическом плане. Полагаю, что это заблуждение. Нужно только для каждой проблемы найти подходящий жанр. Почему у вас нет памфлета, остро публицистического фельетона?

вообще замечательные. А как им у вас работаете? Не обижаете? Глубоко неправильно, что к карикатуристам часто относятся несправедливо. Даже их собратья по перу и кисти считают сатирический рисунок искусством второго сорта. Ну не чепуха ли? Ведь если подумать серьезно, то ваши художники-сатирики, такие, как Кукрыниксы и другие, всегда находятся на самых передовых позициях. Все их творчество остро публицистично, насквозь проникнуто духом современности. Их рисунки — самое сильное, что есть в вашем журнале¹.

— А теперь,— продолжал Алексей Максимович,— разрешите вас и против шерсти погладить, чтобы не зазнавались. Вот фельето-

¹ Эту мысль А. М. Горький развил позже в статье «Кукрыниксы». Давая высокую оценку творчеству этого уникального в истории карикатуры коллектива, он писал:

«Карикатуру многие считают «кривым зеркалом» жизни. Так смотря на нее люди, по адресу которых давно и убедительно сказано: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива». Карикатура — социально значительное и полезнейшее искусство изображать различные, не всегда видимые «простым глазом» искривления в почтенном личине современных героев или кандидатов в герои (подразумеваю Гитлеров всех мастей), а также и в лицах граждан, не желающих быть героями в области социалистического творчества» (Максим Горький. Собрание сочинений, т. 26).

Ваши фельетонисты, как правило, берут темы из жизни весьма поверхностно. Они часто не умеют разоблачать в герое ту внутреннюю мерзость и безобразия, которые скрываются сплошь и рядом под весьма благообразной внешностью.

Кстати, о юморе. Он, конечно, абсолютно необходим в вашем журнале. Иначе чем «Крокодил» будет отличаться от «Прожектора» или «Огонька»? Но вот как раз настоящего юмора у вас маловато. Вернее, попыток смешить много, но уж больно все они надуманны, высосаны из пальца. Да потом юмор юмору — рознь. Существует всеядный юмор вне времени и пространства, перекочевавший к нам из дореволюционных и заграничных буржуазных журналов. Зачем нам такой оглуляющий юмор, когда издеваются, к примеру, над человеком, провалившимся в люк или случайно облитым водой с ног до головы? Я уже не говорю о так называемом «тещином юморе», под которым подразумеваю весь комплекс обывательских, скудоумных и ублюдочных острот.

От этого дурно пахнущего наследства надо держаться подальше, а брать больше из нашего быта, из окружающей действительности. По-настоящему смешного здесь уйма. Надо только уметь подметить, услышать это смешное. И кому же не смеяться, как людям страны Советов, ставшим хозяевами жизни, уверенными в своем будущем?

— А потом учтите еще одну вещь, — продолжал Алексей Максимович. — Здоровый человек должен обязательно смеяться. Это так же необходимо организму, как кислород, как питание. Говорят, что, когда человек смеется, наши железы внутренней секреции выделяют какие-то особые гормоны, которые повышают жизнедеятельность организма. Смех — великая вещь! И потому вы, сатирики, должны себя чувствовать еще в некотором роде и аптекарями. Гордитесь! Вы снабжаете человечество абсолютно необходимым лекарством!

Эмиль КРОТКИЙ

На Алексея Максимовича произвела большое впечатление показанная ему М. З. Мануильским статистика.

— Почти восемь тысяч «вил в бок» за десять лет — неплохая производительность! — заразительно засмеялся он. — Мне кажется, что вам следует больше внимания сосредоточить на темах, связанных с новой моралью советского общества, на всех уродствах нашего быта, на пережитках в сознании, которые ликвидировать гораздо труднее, чем перестроить экономику. Эти темы должны стать вашей подлинной стихией.

Только не забывайте об одном: пишите так, чтобы не озлоблять людей. Покажите человеку всю неприглядность его поступка, но заставьте его почувствовать, что продолжаете верить в него, в то, что он исправится. Пусть он поймет, что вы критикуете его любя, а не ддя того, чтобы обидеть.

В конце разговора Алексей Максимович спросил, как работают Н. К. Иванов-Грамен и Эмиль Кроткий. Он их помнил еще по «Новой жизни», которую редактировал в 1917 году.

Беседа продолжалась около полутора часов и дала нам немало пищи для размышлений. С тех пор прошло сорок лет, и, конечно, многие детали этого большого разговора уже стерлись в памяти. Но осталось самое яркое, существенное, открывающее какую-то новую грань огромной любви А. М. Горького к людям, поразительное знание им тонкостей литературного процесса, тончайшее проникновение в сущность явлений жизни.

Помню, на обратном пути, когда мы присели на скамейку на Пушкинском бульваре, Михаил Захарович задумчиво сказал:

— Знаете, о чем я неожиданно подумал: как удивительно переплетается многое из того, что сказал Алексей Максимович, с суждениями Еремеева! То же исключительное уважение к читательскому письму, те же требования тщательного изучения жизни, та же вера в огромное воспитательное значение сатиры и юмора...

Е. ВЕСЕНИН

КРОКОДИЛ В НЕБЕСАХ

Это было давно, более тридцати пяти лет назад. Крокодил, рожденный, как известно, ползать, вдруг полетел!..

Зрелище действительно необычайное. На беговую дорожку Центрального московского аэродрома, что был тогда на месте нынешнего городского аэровокзала на Ленинградском проспекте, выкатил самый настоящий Крокодил. С зубастой пастью, с чешуей, с хвостом. Только широко раскинутые крылья делали это чудовище похожим на его летучих собратьев из семейства АНТ-9.

Пыхтя и переваливаясь, Крокодил одолел взлетную дорожку, сторвался от земли и быстро стал набирать высоту...

Как же случилось, что Крокодил оброс крыльями?

На страницах своего журнала Крокодил дал такое объяснение этому знаменательному событию:

«На Севере наши ледоколы покорили льды.

В центре Союза наш стратостат побил мировой рекорд.

На Юге наши автомобили победили пустыню Каракум.

Может ли Крокодил после этого спокойно оставаться на мвете? Ни в коем случае! И вот он решил летать».

Но чтобы летать, требуются как минимум крылья, а точнее, требуется иметь самолет.

И журнал бросил клич: — Построим самолет «Крокодил» для Агитэскадрильи имени Максима Горького¹. Вносите деньги в банк на текущий счет № 102!

Читатели и друзья «Крокодила» подхватили призыв редакции. Текущий счет в банке и впрямь стал текущим: в него потекли деньги — большие и малые, от взрослых и школьников, от рабочих и академиков, от колхозников и красноармейцев. По тысячам каналов и ручейков потекли деньги на винтики и шпунтики, на гачки и болтики, на мотор и прочую техническую оснастку.

Ко всему этому редакция задумала выпустить специальный номер журнала, весь доход от которого должен был пойти на тот же самолет.

Рабочие бумажной фабрики «Сокол» изготовили для специального номера бумагу. Рабочие типографии, где печатался журнал, дружно отчислили в тот же фонд причитавшийся им заработок. А о писателях и художниках, которые заполнили специальный сдвоенный номер журнала рисунками, рассказами, стихами и фельетонами, и говорить не приходится: они не отстали от своих читателей.

Михаил КОЛЬЦОВ

¹ Особая авиационная воздухоплавательная агитационная эскадрилья имени Максима Горького при Коллегии ЦУГВФ была сформирована в 1933 году по инициативе Михаила Кольцова. Средства на эскадрилью были собраны издательствами центральных газет и журналов. Самый большой самолет АНТ-14 носил название «Правда», в составе эскадрильи были самолеты «Известия», «Огонек», «Комсомольская правда» и другие, а также дирижабль, сферический аэростат, автожир и буксировочные планеры. Эскадрилья активно участвовала в жизни страны, помогала развитию промышленности и сельского хозяйства, применяя самые разнообразные методы агитации и пропаганды.

Мечта крокодилцев — иметь свой собственный самолет — была близка к осуществлению. Но тут возникла новая проблема.

Чем будет отличаться этот самолет от других, входящих в состав агитэскадрильи? Нельзя ли придать самолету черты настоящего крокодила, притом так, чтобы они не отразились на аэродинамических качествах машины?

Это оказалось не столь простым делом. Но нам повезло. Редактор журнала Михаил Ефимович Кольцов являлся в то же время и командиром агитэскадрильи. Как человек сугубо принципиальный, не раз выступавший в своих острых фельетонах против использования личных связей, он при других обстоятельствах и не подумал бы злоупотребить своим служебным положением. Но тут Михаил Ефимович, не поколебавшись, снял телефонную трубку и созвонился с конструктором самолета Андреем Николаевичем Туполевым. А затем встретился с ним и высказал пожелания крокодилцев.

Архивы не сохранили подробностей этой встречи редактора сатирического журнала с генеральным авиаконструктором. Сказал ли Андрей Николаевич «Це дило треба розжуваты» или не сказал, а только подумал об этом, не так уж важно. Одно бесспорно: предложение крокодилцев заинтересовало А. Н. Туполева, и он, занятый по двадцать шесть часов в сутки, нашел все-таки время, чтобы вы-

Лев БРОДАТЫ

звать своих помощников, и через несколько дней рабочие чертежи крылатого Крокодила были приведены в строгое соответствие с требованиями авиационной науки и летной безопасности. На носу самолета была смонтирована зубастая крокодилья пасть, на спине укреплена ребристая чешуя, обтекатели на колесах превратились в чудовищные лапы.

За художниками-крокодилцами, которые должны были довести внешний облик воздушного Крокодила до полной кондиции, дело не стало. В течение суток, работая и днем и ночью,

художники Лев Григорьевич Бродаты, Борис Ефимович Ефимов и Константин Павлович Ротов разрисовали самолет под красночешуйчатого Крокодила, а на фюзеляже и на крыльях крупно вывели: КРОКОДИЛ.

Пробные полеты над Москвой подтвердили высокие летные качества воздушного Крокодила, и его стали готовить в первый круговой рейс по стране.

На крылатого агитатора была возложена почетная задача: по заданию ЦИК СССР проверить в пятнадцать городах, как они соревнуются между собой, как местные Советы заботятся о школьном строительстве, благоустройстве, удовлетворении культурно-бытовых нужд населения.

Перед отлетом в первый рейс — вылет состоялся 17 июля 1935 года — редакция журнала писала Алексею Максимовичу Горькому, что крылатый Крокодил будет атаковать с воздуха бюрократов, подхалимов, лодырей — словом, всех тех, кто мешает нам строить новую жизнь.

Об этом же писалось и в красочных листовках, оформленных художником Константином Ротовым. На лицевой стороне художник отобразил кипучую жизнь редакционного коллектива в небесных условиях, а под рисунком поместил текст «авиаграммы»:

К у д а — вниз,

К о м у — тебе,

О т к о г о — от Крокодила,

О т к у д а — высота пятьсот метров.

Рапортуем зпт что самолет Крокодил (АНТ-9) вступил Агитэскадрилью Максима Горького тчк Находясь высоте пятисот метров зпт шлю горячий большевистский привет тчк Жду твоих писем корреспонденций адресу Москва, улица Горького 48 мне

Крокодил.

На оборотной стороне листовки была напечатана песенка авиакрокодила «Лечу над землей» с задорным припевом:

Лечу над землею
Фигурой крылатой,
Я мертвой петлёю
Схватчу бюрократал
Отныне завидна
Судьба крокодилья,
К лицу мне, ручаюсь,
Воздушные крылья!

Экипаж самолета разбрасывал листовки и с помощью мощного громкоговорителя передавал с неба на землю привет трудящимся городам и поселкам, над которыми мы пролетали.

Командиром корабля был опытный летчик, участник первых даль-

них перелетов Василий Осипов. Это теперь во всех городах, где побывал тогда Крокодил, оборудованы первоклассные аэродромы, а в те годы летчики радовались, если была хоть мало-мальски пригодная посадочная площадка в виде, скажем, ровного поля. В Челябинске, например, Крокодил никак не мог приземлиться, так как на аэродроме привольно разгуливало стадо коров, с которыми милиция не в силах была справиться. И только высокое мастерство Василия Осипова позволило избежать нежелательного столкновения Крокодила с малосознательными коровами.

Куда бы ни прилетал Крокодил, его всюду встречали тепло и радушно. Встречали не только любопытные, пришедшие на аэродром поглазеть на странное чудовище. На аэродром приходили многочисленные друзья, читатели и почитатели журнала. Вместе с ними, приятно, приходили и те, кто нуждался в помощи Крокодила.

Крылатому Крокодилу жаловались в прозе и в стихах: в Челябинске — на милицию, которая увлеклась штрафами; в Куйбышеве — на грубого прокурора; в Днепропетровске — на плохое качество ремонта жилья.

Нам, участникам полета, пришлось работать с большой нагрузкой: выслушивать посетителей, разбираться в их нуждах, направлять заявления местным властям и следить за тем, чтобы на справедливые жалобы своевременно реагировали.

Наряду с этими хлопотами мы знакомились с работой городских и районных Советов. А на другой день на собраниях актива делились своими впечатлениями. Кое-кому из присутствовавших на этих собраниях трудно было завидовать: им доставалось на орехи...

Крылатому Крокодилу не только жаловались, ему рапортовали о своих достижениях металлурги Днепропетровска, шахтеры Донбасса, строители Запорожья, уличные комитеты Куйбышева и Горького, школы Свердловска...

Газеты в Горьком, Днепропетровске и других городах использовали прилет Крокодила, чтобы развернуть широкую массовую работу. Одни газеты давали большие подборки материалов под заголовками: «Чем мы будем рапортовать крылатому Крокодилу?», «Завоеюем право полета на Крокодиле», другие выпускали целые сатирические полосы — «На вилы крылатому Крокодилу».

В первом рейсе Крокодил налетал около семи тысяч километров. Воздушное крещение прошло успешно. За первым полетом последовали другие, насыщенные будничными делами и заботами. Но куда бы ни держал путь крылатый Крокодил, он всюду был желанным гостем.

По общему признанию, первый полет Крокодила ознаменовал собой новое явление в журналистике, зоологии и общественной жизни.

В. АРДОВ

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЦАХ

Когда мы, начинающие художники и литераторы, приходили впервые в редакцию «Крокодила» в начале и в середине двадцатых годов, никто из нас не мог предположить, что этот журнал займет в нашей жизни такое значительное место. Время было бурное и удивительное: после гражданской войны в Советской стране всё, по сути дела, начиналось сначала — и промышленность, и культура, и искусство, и печать. Сколько возникало редакций и театров, киностудий и радиопрограмм, литературных объединений и дискуссионных клубов! Хотелось поспеть всюду. И тогда нам казалось, что «Крокодил» — только одна из возможных точек приложения молодых сил, бурливших в каждом из нас...

Из изданий двадцатых годов выжило не столь уж много. А вот наш «Крокодил» не только обрел тираж пять миллионов экземпляров (что само по себе дело небывалое: мировая печать ничего подобного для сатирических журналов доселе не знала), но и стал чем-то вроде академии советской сатиры. Отнюдь не утверждаю, что всё, что мы рисуем и пишем на страницах нашего еженедельника, совершенно по форме и по содержанию. На критических совещаниях в редакции мы сердито обвиняем друг друга в недостатках и просчетах. Но при всем том никто не рискнет отрицать, что «Крокодил» шествует во главе кильватерной колонны советских сатириков, где бы они ни рабодали — в «большой» литературе и на эстраде, на радио и телевидении, в бесчисленных сатирических уголках местной печати...

Весь путь — от нэпа до нынешней девятой пятилетки — «Кроко-

дил» прошел твердой поступью. Подобно тому, как новые и новые бойцы, становясь под знамя прославленного полка, бережно хранят его традиции и историю, так и мы, крокодилы, верны идейным традициям первой редакции «Крокодила» и ее шефа — К. С. Еремеева.

Кое о чем из истории и традиций «Крокодила» я и хочу вспомнить...

* * *

Первый раз я появился в комнатах «Крокодила» на Тверской улице, дом № 4. Произошло это в апреле 1925 года. Мне было неполных 25 лет. За спиною у меня было трехлетнее сотрудничество в театральных журналах (фельетоны, рецензии, теоретические статьи), двухлетняя работа в сатирическом журнале «Красный перец» (это издание скоро скончалось) и участие в группе сатириков, принявших сильное участие в организации Московского театра сатиры. И все-таки я явился сюда с трепетом.

Обстановка была самая нормальная для такого рода учреждений. Группа сотрудников собралась у стола «выпускающего» — им был поэт-сатирик М. Я. Пустынин — и пересмеивалась. Веселые голоса перебивали один другого. Так обычно бывает в редакциях юмористических журналов и по сей день.

Меня принял худенький, небожьшого роста молодой человек, сидевший за другим столом, поближе к двери. У него был рыжий хохолок над самым лбом, сдержанные манеры и иронический взгляд. То был поэт Василий Иванович Лебедев-Кумач, впоследствии прославившийся своими песнями. Судьба определила нам подружиться с ним на долгие годы...

Помню, я принес пародийную инструкцию: как вести себя хулигану. Готовился специальный номер о хулиганстве, и мне это стало известно. В скором времени такой номер действительно вышел, и фельетон мой был напечатан. А тогда, при первой встрече, прочитав фельетон, Василий Иванович сразу же сказал мне:

— Эта вещь пойдет. А что вы думаете дать нам еще?..

Месяца через два я сделался в редакции своим человеком. Перезнакомился с сотрудниками. Кое-кого я знал и ранее. Например, художников К. С. Елисеева и Ю. А. Ганфа: они сотрудничали в «Красном перце». Иные карикатуры рисовали даже вдвоем и тогда ставили подпись: «рис. Ю. КОН» (Юлий и Константин). А в «Крокодиле» я узнал М. М. Черемныха и И. А. Малютина. Нет надобности представлять читателям этих корифеев советского плаката и карикатуры. Напомню только, что зачинателем знаменитых «окоп РОСТА» был именно Черемных. И он привлек к этому важному делу Ивана Андреевича Малютина вместе с Маяковским.

Своеобразная атмосфера была в те годы в «Крокодиле». К. С. Еремев уже покинул пост главного редактора. Формально руководителем журнала был Н. И. Смирнов — редактор «Рабочей газеты». А его заместителем, который, в сущности, и вел издание, был Н. К. Иванов-Грамен. Он и сам обладал дарованием юмориста: печатал свои фельетоны. Человек был тихий и деликатный, разговаривал негромким голосом, хотя страдал некоторою глухотой. Особенно трудно оказывалось для Грамена заявить, что данный рисунок или литературное произведение не подходят к печати. Он так страдал при необходимости известить о том автора, словно браковали его собственное произведение...

А вокруг тихого редактора буйно шумел молодой коллектив из штатных сотрудников, посетителей, постоянных и случайных. Молодые были почти все. Только несколько бывших сотрудников дореволюционных журналов ходили среди нас. Многие из деятелей «Нового сатирикона» и «Будильника», московских и петербургских газет эмигрировали или уехали из столиц. Но оставшиеся, как более опытные работники на этой ниве, имели среди нас авторитет. Все мы в прошлом уважали «Сатирикон» и на тех товарищей, которым привелось сотрудничать в этом лучшем из дореволюционных сатирических еженедельников, глядели с уважением.

Создать свое собственное лицо «Крокодилу» еще только предстояло. Этот путь был пройден нашим журналом очень быстро. Но в начале 20-х годов и оформление журнала, и верстка с так называемым «воздухом», то есть неплотное размещение материалов на страницах, и даже манера рисунка и письма все еще напоминали недавнее прошлое.

Раскрывая номера нашего журнала, выпущенные в годы первой пятилетки, мы видим уже как бы другое издание. Ушли в прошлое мягкие подражания старым сатирическим, а точнее, юмористическим выпускам. «Крокодил» стал строже, злее, оперативнее. Выездные бригады на стройках, в новых городах и рабочих поселках... Совсем иная тематика, иной ритм, иной подход к действительности.

Редактором стал М. З. Мануильский — младший брат Дмитрия Захаровича Мануильского, одного из руководителей Коминтерна. Михаил Захарович остался в памяти нашей как человек удивительной чистоты и скромности. Но, несмотря на доброту свою, новый шеф отлично справлялся с задачами руководства в самой шумной редакции страны.

С конца двадцатых годов в журнале расцвело дарование молодого художника К. П. Ротова. И по сей день переиздаются альбомы

карикатур и иллюстрации к детским книжкам этого удивительного юмориста. Его чувство смешного было редкостным даже для профессиональных графиков, которые специализировались на шаржах. Ротов мог нарисовать на одном листе более сотни персонажей и каждому придать не только свою индивидуальность, но еще и найти какие-то смешные подробности. Его знаменитые картинки «Мертвый час в доме отдыха», «После футбола», «Одинокий зритель» и другие запомнились навсегда...

Каким добрым и веселым был Константин Павлович Ротов на наших заседаниях! Какие смешные шутки он придумывал, как легко и быстро рисовал!

Ротов родился в Ростовской области. Журналист А. Оленин, который был намного старше Ротова и работал в краевой газете «Молот», рассказал мне: однажды четырнадцатилетний парнишка, совершенно багровый от смущения (Ротов всегда был застенчив), принес в редакцию рисунок тушью. И по теме и по выполнению это было настолько хорошо, что сотрудники редакции усомнились: не предлагает ли он чужое произведение? И парнишке сказали:

— Рисунок, в общем, подходит. Но кое-что надо дорисовать...

Мальчик спокойно ответил:

— А у вас есть перо и тушь? Я дорисую...

И действительно, он сел за стол и на глазах у журналистов тут же квалифицированно дополнил свою карикатуру смешными деталями...

В «Крокодиле» сотрудничал и Зощенко. Постоянно Михаил Михайлович жил в Ленинграде, и тамошние издания пользовались его материалами чаще, чем московские. Но в двадцатых и тридцатых годах активность этого сатирика была настолько значительной, что его хватало и на Москву.

Зощенко редко навещал редакцию «Крокодила». Я с ним подружился, когда работал в Ленинградском театре сатиры в 1927 году. Я восхищался поразительным чувством юмора, свойственным Михаилу Михайловичу. Иной раз, читая рассказ Зощенко, я сам, как профессионал-юморист, диву давался: какая у автора фантазия! В самом сухом и «невынгрышном» месте изложения он находит такие детали, что никому другому и в голову не придут.

Зощенко никогда не опускался до шуток во что бы то ни стало. Его перо подмечало только истинные явления жизни. Самый язык этого писателя составляет удивительный сплав многих диалектов. Академик В. В. Виноградов первым обратил внимание читателей на

Михаил ЗОЩЕНКО

неповторимые сочетания самых разных наречий живого русского языка, из которых Зощенко строил прямую речь своих персонажей.

А в жизни Михаил Михайлович был человеком удивительной чуткости к людям и доброжелательства. Таким скромным был этот писатель, что в статье к 70-летию артиста И. В. Ильинского я сказал о нем: «Игорь Владимирович, самый видный наш комик, не острит в быту; скучнее его был только Зощенко, но зато Зощенко писал смешнее нас всех...»

* * *

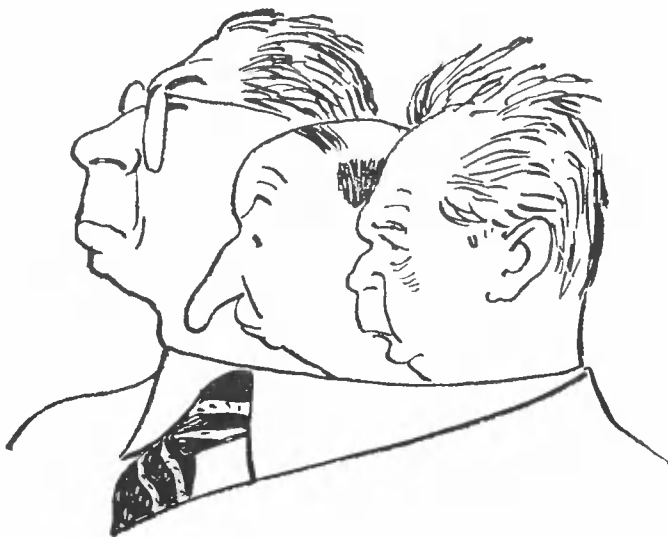
В тридцатые годы пришли в «Крокодил» И. Ильф и Е. Петров. Оба они удивительно подходили друг другу творчески. Литературовед В. Б. Шкловский как-то заметил, что вдвоем эти два писателя создавали произведения такой силы, какие порознь им не удалось бы написать. Шкловский уподобил обоих цементу и песку, из соединения которых возникает бетон, превосходящий крепостью и песок и цемент. Удивительно верно сказано!

В «Крокодиле» Ильф и Петров бывали не столь уж часто. К тому же Ильф скончался в 1937 году. Помню, в ночь на 14 апреля мы собрались на квартире у Петрова, а покойный соавтор его лежал в своей квартире этажом ниже. Надо было написать некролог. Л. И. Славин, А. А. Фадеев, С. И. Кирсанов, Е. П. Петров и я предлагали отдельные фразы для этого печального сообщения.

— Получается, будто мы и вас хороним,— сказал Славин грустно, обращаясь к Петрову.

— Так оно и есть,— ответил Евгений Петрович.

Однако уход из жизни соавтора и друга не сломил Петрова: он работал и один — не только писал книги, сценарии, пьесы и очерки, но и был редактором «Литературной газеты» и «Огонька». Во время Великой Отечественной войны Евгений Петрович оказался в числе

КУКРЫНИКСЫ

наиболее активных наших военных корреспондентов, часто выезжал на фронт. Даже в осажденном Севастополе он побывал и на эсминце «Ташкент» ушел от преследований немецкого флота и самолетов. А в 1942 году на пути в Москву с Кубани погиб...

В 1934 году редактором «Крокодила» назначен был М. Е. Кольцов. Он был председателем правления специализированного издательства «Жургаз», куда входили два десятка ежемесячных, еженедельных и иных периодических изданий.

Техникой редактирования Кольцов владел виртуозно. Он с необыкновенною быстротой умел исправить или дополнить любой материал, вошедший в макет номера, который ему подали для утверждения. На наших темных заседаниях Михаил Ефимович ясно и точно

определял задачи, успевая при том пошутить и выслушать наши острооты. Иной раз Кольцов накладывал резолюцию на фельетон или рассказ: «Сократить и усмешнить». Затем это указание писалось в сокращенном виде: «Сокр. и усм.». А еще позднее оно изображалось просто тремя буквами: «Сиу».

Когда Кольцов выбрасывал материал из номера, мы называли это так: «Старик вытоптал рассказ». Михаил Ефимович узнал об этом выражении и принял его к употреблению сам. Он писал своим помощникам: «Я тут вытоптал два материала»...

Помимо «Жургаза», Кольцов уделял значительное время обязанностям члена редколлегии «Правды», был председателем горисполкома подмосковного городка Зеленогорска, возглавлял агитзскадрилью Гражданского воздушного флота, часто ездил в зарубежные командировки, да и по Советскому Союзу передвигался постоянно. А когда началась гражданская война в Испании, Михаил Ефимович поехал в Мадрид. Не случайно Хемингуэй сделал его прототипом одного из персонажей романа «По ком звонит колокол»...

И все-таки у нашего шефа находилось время заниматься «Крокодилом». Его заметки и его правка материала приносили огромную пользу журналу. Лицо «Крокодила» отражало индивидуальность главного редактора...

Самуил МАРШАК

Грянул 1941 год. Я сразу же включился в сочинение антигитлеровских памфлетов и фельетонов. Они печатались не только в «Крокодиле», но и в других московских изданиях, передавались по ра-

дио, исполнялись в Московском театре сатиры и агитбригадами на фронте. Уже к августу таких памфлетов набралось на небольшую книжечку. Ее молнией напечатали в издательстве «Советский писатель». Но в одну из сентябрьских ночей фашистские самолеты бросили бомбу на типографию, и тираж моего сборника, который назывался «Весь зверинец» (речь шла о Гитлере, его окружении и союзниках), сгорел.

В начале 1942 года я был призван в кадры Красной Армии. В качестве сотрудника армейской печати три года провел я на разных фронтах и все три года аккуратно присылал свои фельетоны в «Крокодил». В то время под фамилией автора, присылавшего свой материал с фронта, указывалось: «Действующая Армия».

«Крокодил» сделал свой вклад в победу тем, что его номера и в тылу и на фронтах звали к разгрому ненавистного врага. Достаточно вспомнить плакаты и карикатуры Кукрыниксов и Б. Пророкова со стихами С. Маршакa.

Сегодня я мало похож на того молодого человека, который 47 лет тому назад впервые вошел в помещение редакции «Крокодила». Сегодня я—вроде как дедушка того юного юмориста, который осмелился принести В. И. Лебедеву-Кумачу фельетон о хулигане...

В мыслях моих пробегает половина нашего века. Думая о редакции, я вспоминаю друзей и сотоварищей— как живых, так и ушедших. Вспоминаю и то, что «Крокодил» дал всем нам, и то, что мы давали и даем «Крокодилу». И мне думается: мало что в нашей жизни было так важно, как наша работа в дорогом для нас всех журнале.

Е. ЦУГУЛИЕВА

ШЕФ ГИГАНТОВ

В кабинете редактора вот уже сорок лет стоит небольшая, но увесистая статуэтка — Крокодил с трезубцем. Она отлита из первого чугуна Магнитогорского металлургического комбината.

На подножье надпись:

«Шефу Магнитоостроя тов. «Крокодилу»

В день его десятилетия

От 60 тысяч ударников».

Почему же Крокодилу оказана такая честь? За что наградили его ударники одного из первенцев советской индустрии?

* *
*

1930 год. В номере 28 «Крокодила» помещена телеграмма-молния:

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ

читателям

«Крокодила»

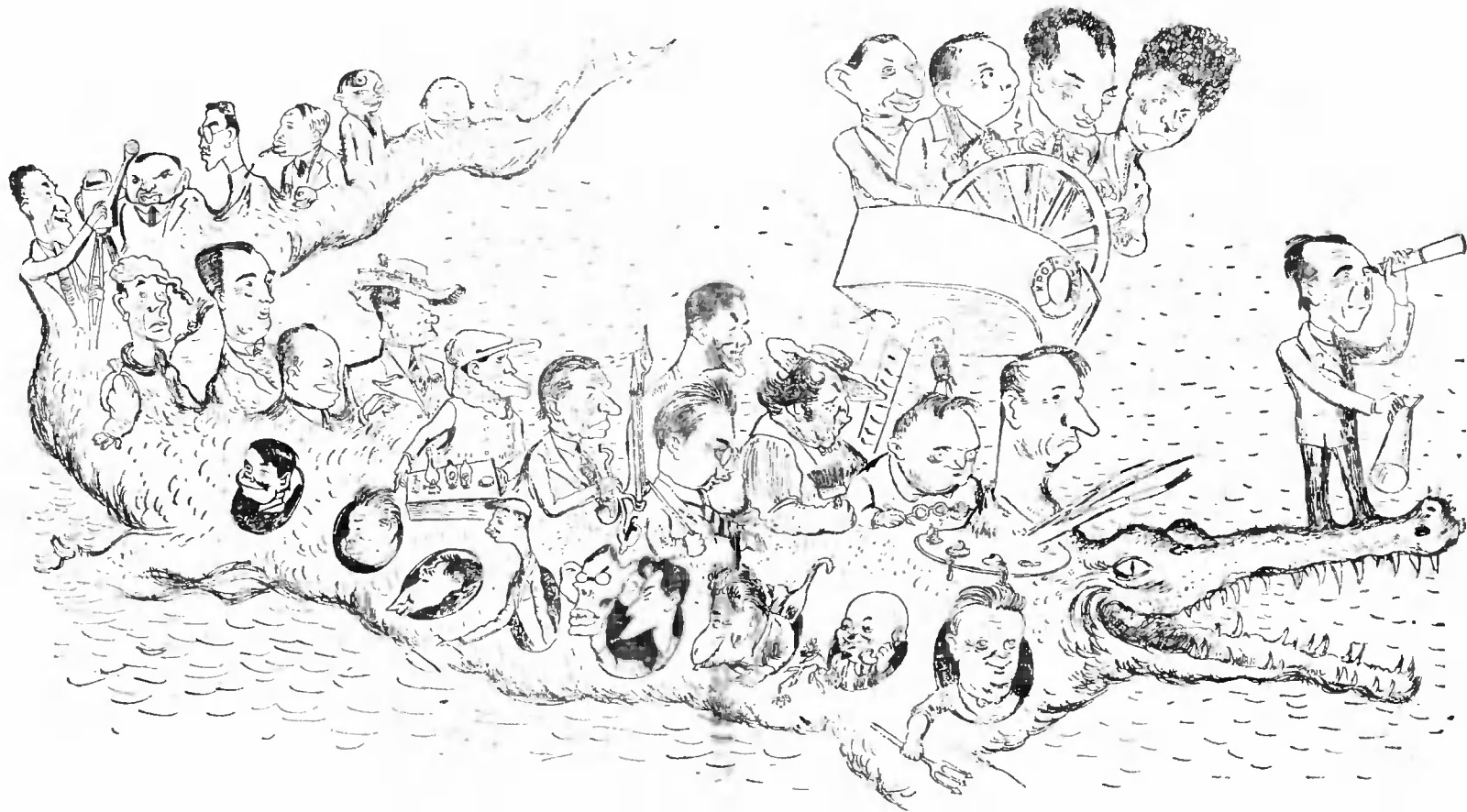
На подшефный «Крокодилу»

МАГНИТОСТРОЙ

выехал отв. секретарь

«Крокодила»

В багаже большой скоростью следуют специально изготовленные вилы. ЧИТАЙТЕ в следующих номерах специальные корреспонденции-телеграммы и фельетоны о тормозах и нелюадках на великой стройке.

Этот массовый дружеский шарж опубликован в «Крокодиле» в 1932 году в связи с десятилетним юбилеем журнала. Как гласит подпись, изображенный здесь «корабль «Крокодила» построен в сатирическом доме издательства «Правда» инженерами Кункрынинсы».
 Справа налево: на носу «Крокодила» — редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ. На мостике — С. ДОРОФЕЕВ, И. АБРАМСКИЙ, Я. БЕЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ. На спине — М. ЧЕРЕМНЫХ, Д. МООР, А. РАДАКОВ,

Б. ЕФИМОВ, Ю. ГАНФ, К. ЕЛИСЕЕВ, К. РОТОВ, В. КОЗЛИНСКИЙ, М. ХРАПКОВСКИЙ, Л. ГЕНЧ, А. ТОПИКОВ, Б. КЛИНЧ, В. ГРАНОВ, А. ГАЯМОВ, БЕН-ГАЛИ (И. Гехтман), А. СТОВРАЦКИЙ, А. КАЛИНИНА, Е. КОЗЛОВСКИЙ. В иллюминаторах — В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Б. САМСОНОВ, М. ГЛУШКОВ, И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ, М. ВОЛЬПИН, Б. ЛЕВИН, Р. РОМАН, П. МАЙСКИЙ.

В те дни в журнале появилась новая рубрика: «На подшефном «Крокодилу» Магнитострое».

Видимо, вилы, посланные большой скоростью, дошли быстро. Потому что уже в 29-м номере были опубликованы заметки «о тормозах и неполадках» на подшефной стройке. В них говорилось о непроизводительных простоях экскаваторов, о медленном строительстве бани, о том, что на стройку проникают летуны, бракоделы, хулиганы, пьяницы.

Следующий номер обрушился ехидным и злым фельетоном на НКПС (Наркомат путей сообщения). И поделом: железнодорожники отправили на Магнитку рельсы времен Николая I.

Крокодилским вилам не приходилось ржать без дела. Многим наркоматам, главкам и ведомствам попало по заслугам. В их числе были «Союзлес», Наркомтруд, Центросоюз, «Стальсанстрой» и прочие. Доставалось и местным организациям, не уделявшим должного внимания магнитогорскому гиганту. Мелких тем не было: все темы были одинаково важны. Подбор кадров, питание, снабжение, жилье для рабочих, медицинское обслуживание, работа почты и железной дороги... Да мало ли! Затем настала очередь заводов-поставщиков, которые далеко не всегда хорошо и аккуратно выполняли заказы Магнитки. А после критических выступлений в журнале появлялись заметки о принятых мерах.

В 1931 году Крокодилу пришлось работать на два фронта: он взял шефство и над вторым гигантом — Кузнецким металлургическим. Выездная редакция не только поставляла материалы в журнал, но одновременно и выступала в газете «Кузнецкий рабочий» со своими «окнами». Тогда журнал выпускался в пяти изданиях: основном, московском, ленинградском, украинском и урало-сибирском. Центральный разворот был сменным — специальным по тематике для каждого издания.

В то же время Крокодил находил возможность бывать на других стройках, чтобы и им помогать по мере своих сил.

Вот он отправляет на Турксиб своего собственного корреспондента Эмиля Кроткого, который дает с Туркестано-Сибирской магистрали оперативный репортаж.

Вот вилы сверкнули на «Свирьстрое». Вот в журнале густо пошли материалы с тракторных заводов — Сталинградского, Харьковского, Челябинского. Крокодил едет на Днепрострой, мчится на Саратовский комбайновый. Выездная редакция побывала на Добрушской бумажной фабрике и выпустила там четыре номера газеты «Крокодил на Добруше».

А вот уже критические заметки попеременно с фельетонами сыплются с Нижегородского автостроя. Вы, надо полагать, догадались,

что так назывался будущий Горьковский автомобильный завод? Крокодил стоял и у его колыбели.

Таким был первый этап шефской работы Крокодила. В годы первых пятилеток она протекала на строительных площадках промышленных гигантов страны.

Теперь вам должно быть ясно, почему передовые рабочие Магнитки из своего первого чугуна отлили фигуру Крокодила.

Шло время. Шефская работа Крокодила не затухала, она обогащалась новыми формами. Выезды бригаде на места, организация крокодилских контрольных постов, глубокие рейды, выпуск специальных тематических номеров, выступления в местной печати...

В 1959 году в редакцию пришло письмо из кустанайских степей. Строители Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината писали:

«...Дела идут, но... и непорядки есть, и неполадки бывают, и, глядишь, кто-нибудь наголовотяпствует...

Вот мы и просим тебя, дорогой Крокодил, прими и ты по своей, так сказать, линии шефство над нашим комбинатом. Вспомни, как ты шефствовал в годы первых пятилеток над Магниткой и Кузнецком,— и тряхни стариной!»

Крокодил ответил так:

Письмо я ваше получил.
Над вами шефство принимаю.
Готов помочь по мере сил,
Нисколько не жалея сил.
Но не считайте (намекаю!),
Что, дескать, ваша хата с краю.
Жду матерьялов!

КРОКОДИЛ.

Материалы не заставили себя долго ждать. Одна бригада сменяет другую. В Рудный выезжали крокодилыцы Т. Боброва, А. Крылов и автор этих строк. Бригада в составе писателя Б. Егорова, поэта В. Иванова и художника Е. Горохова в 20-й номер журнала дает шесть полос. Здесь репортаж, рисунки, заметки, фельетоны, дружеские шаржи, стихи и даже песня «Город Рудный — город чудный», сочиненная В. Ивановым и А. Островским.

Бригады не только давали в журнал злободневный, острый критический материал. Они выступали и в местной печати: рудненской городской газете «Знамя Октября» и кустанайской областной газете

те «Ленинский путь». И здесь у Крокодила были помощники — комсомольцы, молодые рабочие, члены крокодильского поста. Они продолжали держать связь с редакцией и после того, как уезжали бригады спецкорреспондентов.

Редакция в Москве тоже оказывала помощь Рудному: добывалась быстрой отгрузкой и доставкой на стройку леса, железобетона, оборудования, обращалась в министерства и ведомства и, как правило, добывалась положительных результатов.

Нельзя тут не вспомнить добрым словом тогдашнего ответственного секретаря редакции журнала, ныне покойного Александра Николаевича Ремезова. Очень много удалось добиться для подшефной стройки благодаря его кипучей энергии. Он считал помощь руденцам делом чести редакционного коллектива, и не было случая, чтобы он оставил какую-либо просьбу подшефных невыполненной или не довел бы начатое дело до конца.

В том же 1959 году в центре Алтайского края, в городе Барнауле, развертывалось сооружение крупнейшего в Сибири комбината химических волокон. «Мы завидуем Рудному,— пишут барнаульцы Крокодилу,— и просим, чтобы ты взял шефство и над нами».

Крокодилу не привыкать работать на два фронта. Пусть будут Рудный и Барнаул, как некогда были Магнитка и Кузнецк.

На Алтай была отправлена первая выездная бригада — фельетонист А. Вихрев, поэт В. Котов, художник Г. Сундырев. Бригада выпускала ежедневные сатирические плакаты, организовала группу рабочих корреспондентов и подготовила первый материал для журнала — репортаж «Большая химия — большие заботы».

Забот действительно предстояло немало. На следующий год в Барнаул была направлена выездная редакция «первого созыва». Почему «первого созыва»? А потому, что строительство барнаульского испомлина состояло из трех этапов: капронового, целлофанового и штапельного. На каждый этап выделялась специальная выездная редакция.

В первую редакцию были включены: прозаики Ю. Мартынов и я, поэт Р. Сарцевич и художник Ю. Черепанов. В этом составе мы выехали в Барнаул.

Но в пути нас постигло большое несчастье. От сердечного приступа в вагоне на наших руках скончался Р. Сарцевич. Мы тяжело переживали эту утрату. Ричарда Сарцевича любили и крокодилы и читатели журнала. Это был скромный человек, безотказный труженик, охотно выполнявший любое задание редакции. Почти тридцать лет он проработал на автозаводе имени Лихачева и до конца своих дней оставался рабочим поэтом.

Мы сделали остановку в Петропавловске, дали знать в Москву, и оттуда немедленно самолетом прилетели за телом покойного друга и соратника работники редакции.

А нам пришлось следовать дальше, в Барнаул. Вместо Сарцевича из Ленинграда был вызван другой наш активный автор — поэт Владимир Иванов.

Прибыв в Барнаул, мы начали выпускать многотиражную газету «Крокодил на подшефной стройке». Обязанности были строго разграничены: Иванов сочинял стихи, Черепанов делал рисунки, мне приходилось добывать и редактировать материалы, а Мартынов занимался полиграфической частью — выпускал газету.

Каждое утро все четверо шли на объект, распространяли свежую газету и попутно собирали новые материалы. А после обеда начинали готовить очередной номер. И так каждый день, до поздней ночи.

Куда бы Крокодил ни приезжал, он сразу же обрастал помощниками, активистами-добровольцами. В Барнауле их тоже было много, и возглавлял их неутомимый Виктор Молчанов, начальник комсомольского штаба стройки.

Был у крокодилцев и постоянный поставщик смешных материалов — молодой парнишка Петя. Он приходил в редакционную комнату и становился на пороге, повеся голову.

— Опять не там? — догадывались журналисты.

Петя печально кивал головой.

Петя имел специальность: он был «дырщиком». Пробивал дыры там, где укажут. И почему-то часто не там, где следовало. Но Петя не был виноват. Виноваты были негодные чертежи.

На стройке имелись и представители иностранных фирм — «Циммер» — западногерманской и «СНИА-Вискоза» — итальянской. По вполне понятным причинам иностранцев газета не трогала. Зато их самих газета очень интересовала. Когда утром разносили свежие номера, они хватили газету и с криком «Кап-рошкин есть!» бежали к переводчикам.

Дело в том, что в газете прочно поселился «Антон Капрошкин», персонаж настырный и вездесущий. Он нахально совал повсюду свой длинный капроновый нос и во всеуслышание сообщал о всяких непорядках и неполадках.

Последний день работы выездной редакции совпал с торжественным митингом по случаю пуска «Большого капрона».

Начался новый этап — целлофановый. Вторая выездная редакция в составе фельетонистов А. Вихрева, Ю. Алексева, художника Г. Андрианова, поэтов Э. Левина и Н. Князева работала зимой 1960/1961 г. — до пуска цеха целлофана.

А в феврале 1963 года на стройку прибыла последняя, «штапельная» бригада: фельетонисты А. Никольский, Н. Монахов, Р. Киреев, поэты В. Константинов и Б. Рацер, художники А. Цветков и В. Соловьев. Эта бригада Антошу Капрошкина переименовала в Штапелькина. Но характер его остался прежним: он по-прежнему всюду бесстрашно совал свой капроновый нос.

Весной 1963 года строители рапортовали о завершении основных объектов комбината, и газета «Крокодил на подшефной стройке» после 52-го номера прекратила свое существование.

Но связь с барнаульцами не терялась. Еще не раз выезжали в Барнаул спецкоры «Крокодила», да и представители завода, бывая в Москве, не упускали случая зайти в редакцию, поделиться заботами, рассказать об успехах и трудностях.

В 1963—1964 годах Крокодил шефствовал над стройками Большой химии — Стерлитамакским химическим заводом и Щекинским химкомбинатом. Там были созданы крокодилские посты, которые регулярно снабжали журнал материалами о всяких неполадках.

Не забывал Крокодил и о сельском хозяйстве. Он, к примеру, оставил свой след на целине. В 1957 году бригада в составе художника С. Кузьмина, поэта В. Котова и меня выезжала в Кустанайскую область — поглядеть, как идет уборка урожая целинной пшеницы. К бригаде присоединился сотрудник казахского сатирического журнала «Шмель» Мынбай Рашев, которого москвичи перекрестили в Мишу. Работа пошла весело. Бригада в полном составе ездила по полям, брала на карандаш все прорехи, писала фельетоны и отправляла их в редакцию. Параллельно Миша-Мынбай переводил эти материалы на казахский язык, оснащал их своими стихами — и получались подборки, которые публиковались на страницах кустанайской областной газеты «Коммунизм жолы». Там они шли под рубрикой «Крокодил Костанайда», что в переводе означает «Крокодил в Кустанае».

Позднее подшефным Крокодила стал совхоз «Дружба», Московской области. Не раз выезжали крокодилы в совхоз, не раз публиковали материалы о нуждах и бедах подшефного. Наградой за эти труды были благодарность подшефных и коротенькие деловые заметки под жизнерадостной рубрикой «Крокодил помог».

Ныне, в год своего пятидесятилетия, «Крокодил» словом и делом оказывает помощь крупным стройкам девятой пятилетки. В связи с бурным развитием автомобилестроительной промышленности журнал взял шефство над сооружением и реконструкцией шоссейных дорог Москва—Ярославль, Казань—Набережные Челны, а также над сетью сельских дорог Краснодарского края. Впрочем, читателю будет интереснее познакомиться с шефской работой по свежим номерам самого журнала.

Ю. ГАНФ

КОГДА МЫ ОШИБАЛИСЬ...

Нас, молодых в двадцатые годы карикатуристов «Крокодила», учили наши старые, уважаемые и любимые мастера сатиры, большинству которых, кстати, тогда еще не было и сорока лет, — учили тому, что сатирический рисунок должен быть острым и смешным, но при этом абсолютно точным по теме и безошибочным в деталях.

Художнику-карикатуристу приходится в своих работах иметь дело с кучей персонажей, предметов, пейзажей, и тут уж приходится «держаться остро», потому что наш многомиллионный читатель хотя и доброжелателен, но строг и ошибок не прощает.

Надо отдать справедливость крокодильским художникам всех поколений — они очень редко ошибались. За этим внимательно следили наши художественные редакторы.

Как правило, все ошибки «пресекались» в самом начале и не попадали на страницы «Крокодила».

Вспоминаю один курьезный эпизод. Год или полтора художественным отделом журнала ведал один товарищ, и только в конце его пребывания на этом посту выяснилось, что если он кое-как разбирался в черно-белых работах, то с цветными рисунками у него дело обстояло хуже. Дело в том, что он был... прирожденным дальтоником и не различал два цвета — красный и зеленый.

Были, конечно, в многолетней истории «Крокодила» промашки и ляпсусы.

Один из наших художников почему-то «обсчитывал» героев своих рисунков в количестве пальцев — одному рисовал четыре пальца, зато у другого оказывалось на каждой руке по шесть.

Аркадий Бухов, добродушно посмеиваясь, утешал автора, говоря, что ничего страшного в этом нет, потому что, мол, среднегодовое количество пальцев у персонажей его рисунков в общем-то получалось правильным.

Был еще такой случай. На одной карикатуре были изображены три приятеля, которые стояли, дружески обнявшись. Так рисунок и был бы напечатан, если бы кто-то не обратил внимание на то, что автор рисунка «сообразил на троих»... семь рук.

Один уважаемый художник нарисовал полицейского, расстреливающего из пулемета демонстрацию рабочих, причем патроны в пулеметной ленте оказались направленными пулями на полицейского.

Когда об этом сказали автору карикатуры, он, не растерявшись, воскликнул:

— Так ему, полицейской собаке, и надо!

Рисунок он, конечно, переделал.

Пришлось мне когда-то рисовать персонажа, дующего в громадную трубу — бас-геликон. Я считал возможным не придерживаясь особой технической точности в изображении многочисленных деталей и клапанов этого инструмента. В результате я получил свыше ста писем от обиженных читателей-музыкантов.

Был в практике «Крокодила» случай, когда ошибка художника сыграла, так сказать, положительную роль.

Замечательный мастер сатирического рисунка Иван Андреевич Малютин нарисовал для обложки журнала карикатуру, на которой был изображен самогонщик с самогонным аппаратом.

После выхода журнала в свет редакция получила несколько возмущенных писем. Нашлись любители самогона, которые решили положить крокодильский рисунок в основу устройства своих самодельных аппаратов. В результате — лишние расходы и сплошной брак.

И. А. Малютин мастерски владел кистью и карандашом, но самогонный аппарат он никогда «в натуре» не видел и поэтому целиком фантазировал его...

М. ВИЛЕНСКИЙ

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

— Здравствуйте, с вами говорят из иностранного отдела «Крокодила». Скажите, пожалуйста, сколько у нас подписчиков за границей?

Заведующая сектором экспорта периодики «Международной книги» отвечает нам из небоскреба на Смоленской площади:

— На 1972 год за рубежом подписались на «Крокодил» приблизительно сорок тысяч человек.

Конечно, неверно было бы думать, что все наши зарубежные подписчики просто почитывают «Крокодил». Нет, многие его изучают. Въедливо, пристально, почти с лупой и при этом не очень музыкально скрежещут зубами. Сатира — дело серьезное, это не зря сказано...

17 июня 1954 года Соединенные Штаты направили Советскому правительству ноту протеста в связи с публикацией в журнале «Крокодил» карикатуры, «высмеивающей трагическую смерть бывшего министра обороны США Форрестола». Как известно, печальной памяти министр свихнулся на почве антисоветской истерии, которую сам же усердно раздувал. Перенапрягши психику на этой неблагодарной работе, министр с криком «Танки! Русские танки!» выбросился из окна.

На крокодильском рисунке Форрестол выглядел в точности таким, каким он представлялся воображению всех честных, нормальных людей, сторонников мира, — обезумевшим маньяком войны. И естест-

венно, советское Министерство иностранных дел вернуло американскую ноту посольству США без рассмотрения.

Да, сатира — дело серьезное. И весьма.

* *
*

Матерый американский «советолог» Гарри Шварц прикидывается, будто читает «Крокодил» не просто с настороженным вниманием, а с... радостью! Он утверждает, что «Крокодил» — «дыра в железном занавесе», сквозь которую он, Гарри Шварц, видит столь сладкие его сердцу теневые стороны советской действительности.

Продувная bestия Шварц довольно грубо передергивает по крайней мере три карты одновременно. Во-первых, притворяется, будто не ведает, что критика и самокритика всегда были в чести у советских людей. Во-вторых, Шварц представляет дело так, будто бы критика наших недостатков — монополия «Крокодила». Он словно бы не замечает бесчисленных острокритических материалов в наших газетах с миллионными тиражами. И, в-третьих (наиболее заезженный трюк), Шварц трактует отдельные частные недостатки, высмеиваемые «Крокодилом», как явления, будто бы типичные для советской жизни.

Мистеру Шварцу, любителю подглядывать в скважину распахнутых настежь дверей, можно раскрыть еще один производственный секрет: нас, крокодилцев, ничуть не волнуют такого рода шулерские проделки. Мы боролись и будем бороться с нашими недостатками без оглядки на границу.

* *
*

Некоторые иностранные туристы включают «Крокодил» в список первейших московских достопримечательностей: «Лебединое озеро» в Большом, метро, Василий Блаженный и... редакция «Крокодила».

Чем объясняется подобный повышенный интерес?

В сознание западного обывателя годами вбивалось ложное представление об «отсутствии свободы печати» в Советском Союзе. Ничто так не ломает этот стереотип, как хотя бы минутное знакомство с «Крокодилом». Каждой строчкой своих конкретных фельетонов, прямо по фамилии называющих бюрократов, бракоделов, хапуг и прочих отрицательных героев, «Крокодил» ошеломляет западного обывателя, излечивает его от заблуждений касательно нашей печати.

* *
*

Резкая антиимпериалистическая позиция «Крокодила», неуклонное разоблачение им колонизаторов, эксплуататоров и агрессоров всех

мастей — вот причины той хронической ненависти, которую питает к «Крокодилу» его лондонский «коллега» — старейший буржуазный сатирический журнал «Панч».

Свои чувства «Панч» выражает отнюдь не в форме дипломатических нот. Он набрасывается на «Крокодил» с примитивной яростью оголодавшего бульдога.

В 1955 году «Панч» выпустил приложение — пародию на «Крокодил». Не очень удачно подделав стиль художников-крокодилцев и верстку нашего журнала, «Панч» угостил своих читателей основательной порцией антисоветчины.

Но все рекорды побил нынешний редактор «Панча» мистер Уильям Дэвис. Три года назад этот джентльмен прибыл в Советский Союз, в гости к «Крокодилу». Здесь он всячески рекламировал свои «социалистические убеждения», говорил о том, что «Панч» слишком долго обслуживал «верхи» английского общества, а вот теперь, при нем, при Дэвисе, «Панч» наконец станет подлинно демократическим журналом, атакующим британскую знать.

Дэвис без устали нахваливал все виденное в Советском Союзе. В особый восторг привела его поездка в Грузию и веселое, щедрое застолье в доме старого колхозника, сын которого читал Дэвису грузински монологи из шекспировских пьес.

Правда, в Москве обнаружилось, что Дэвис — это псевдоним, а настоящее имя и фамилия гостя — Адольф Гюнтер Кис и паспорт у него не британский, а западногерманский. Но это открытие было далеко не самым удивительным. Полностью мистер Дэвис, он же Адольф Гюнтер Кис, раскрылся по возвращении в Лондон. Опубликованный в «Панче» его отчет о поездке в СССР был полностью выдержан в духе «холодной войны». Иллюстрации изображали «русских» в шароварах, приплясывающих под угрозой штыков конвоира. В монологе Гамлета на грузинском языке Дэвис расслышал, оказывается, угрозу арестовать его и сослать в сибирскую тюрьму.

Пришлось крокодилцам публично отстегать этого идеологического лазутчика со страниц «Крокодила» и «Журналиста».

*
*
*

Но было бы, конечно, ошибкой считать, что контакты «Крокодила» с Западом всегда носят напряженный искрометно-зубодробительный характер. Отнюдь нет.

Советским и американским карикатуристам до сих пор памятна поездка в Соединенные Штаты Виталия Горяева и Ивана Семенова — виртуозных рисовальщиков и к тому же обаятельных, сердечных людей. Матерые буржуазные издания боролись между собой за честь

Иван СЕМЕНОВ

напечатать серии рисунков Горяева и Семенова, цитировали их высказывания на пресс-конференциях. В. Н. Горяев и И. М. Семенов приняли участие в ежегодной конференции американской ассоциации газетных карикатуристов, где были избраны почетными членами ассоциации.

Девятью годами позже Кукрыниксы и Борис Ефимов побывали в Лондоне, где попидались со своими английскими коллегами.

Вот как рассказывает об этом в «Крокодиле» Борис Ефимов:

«Меньше всего мы думали встретиться в Лондоне с... Крокоди-

лом. Он смотрел на нас приветливо, явно радуясь приходу советских карикатуристов. Крокодил был изображен на плакате, вывешенном по случаю нашего посещения художественных мастерских Кэмдена — одного из крупнейших районов английской столицы».

Выражаясь языком официальных коммюнике, встреча советских и английских художников прошла в теплой дружеской атмосфере.

* * *

Есть у «Крокодила» и подлинные друзья-единомышленники, товарищи в общей борьбе за мир, за социализм, за торжество коммунистических идеалов.

Незадолго до прихода гитлеровцев к власти, в разгар ожесточенных классовых боев в Германии немецкий коммунистический сатирический журнал «Ротер Пфеффер» («Красный перец») заполнил весь номер материалами, присланными из «Крокодила». В свою очередь, крокодилыцы напечатали несколько материалов из «Ротер Пфеффера».

Прошли годы. Под ударами советских воинов и союзнических войск рухнуло разбойничье гитлеровское государство. Прогрессивные немецкие сатирики вновь создали свой журнал, теперь он называется

«Ойленшпигель». Мы часто обмениваемся материалами и дружескими визитами.

Такие же прочные узы дружбы и сотрудничества связывают «Крокодил» со всеми сатирическими журналами социалистических стран.

Если представить себе «Крокодил» в виде гостиницы, то можно с уверенностью утверждать, что художники и литераторы братских стран никогда не слышали от нас сухой и неласковой фразы: «Свободных номеров нет».

Выдающийся польский мастер графической сатиры Эрик Липинский прекрасно говорит по-русски. Он неоднократно бывал в Советском Союзе, входил в состав жюри международных выставок-конкурсов карикатуры. Однажды Борис Ефимов, представляя участникам пресс-конференции зарубежных гостей, не упомянул сидящего рядом с ним Липинского.

— А почему ты меня не назвал? — спросил, улыбаясь, Эрик Липинский.

Ефимов секунду смотрел на него, недоумевая: он просто-напросто забыл, что Липинский — иностранец!

Иностранные сатирики, приехав в Москву, обязательно приходят в гости к крокодилцам. А как же иначе?

За чашкой чая сидели за нашим столом финский писатель Марти Ларни, датский карикатурист Херлуф Бидstrup, американский фельетонист Арт Бухвальд, известный своими ядовитыми нападкамии на вашингтонскую администрацию, приехал в «Крокодил» вместе со своим издателем мистером Чендлером. Бухвальд обязан по договору поставлять Чендлеру три фельетона в неделю, а тот уж на свой страх и риск продает их столич-

Виталий ГОРЯЕВ

ным и провинциальным газетам. Впрочем, риска и страха не много— на Бухвальде обанкротиться трудно...

Популярный французский художник Жан Эффель — давнишний друг «Крокодила». В последний свой приезд он посвятил нас в свое новое увлечение. Эффель придумал набор условных знаков — упрощенных рисунков, с помощью которых могут объясниться представители разных народов. Крокодилы пришли к выводу, что условные знаки — это хорошо, но рисунки Эффеля все-таки лучше...

Почтовые контакты крокодилыцев с друзьями не всегда происходят в форме обмена письмами. Время от времени мы получаем обширные пакеты или рулоны. Это карикатуры художников — наших друзей и единомышленников для устраиваемых «Крокодилом» совместно с другими организациями международных выставок политической сатиры. Не остается в долгу и «Крокодил». Выставки работ наших художников побывали на Кубе, в Польше, ГДР, Чехословакии, Западном Берлине.

Если стрелы монгольской сатиры попадают точно в цель, то в этом есть и заслуга крокодилыцев. Не раз они выезжали в Монголию поделиться опытом со своими друзьями из журнала «Тоншуул». Ветераны-крокодилыцы художники К. Елисеев, Е. Ведерников, С. Спасский щедро делились «производственными секретами» со своими молодыми монгольскими коллегами.

На прилавках зрubeжных книжных магазинов можно иной раз увидеть сборники крокодилыцких рассказов и альбомы рисунков наших художников. Откуда? Какими судьбами?

Порой это результат активности зарубежных издателей. Такие сборники вышли, например, в Финляндии и ФРГ. Предприимчивая американка миссис Барбара Фульц издала в Нью-Йорке антологию международной политической сатиры, где 20 страниц уделила «Крокодилу». Пунктуальная мадам не забыла перевести в адрес «Крокодила» 50 долларов, на каковые был приобретен пузатый самовар. Раз в месяц за этим самоваром крокодилыцы собираются на заседания своего клуба «Ча-ча», что означает отнюдь не знойный латиноамериканский танец, а «Чашка чая». Даже президент и основатель клуба художник Евгений Гуров не догадывается, что у колыбели его клуба стояла мадам Барбара Фульц из Нью-Йорка. Впрочем, она об этом тоже не догадывается.

Однако «Крокодил» и сам участвует в издании своих сборников за рубежом. Недавно, например, с помощью издательства «Ойленшпигель» в Берлине вышла книжка рассказов и фельетонов авторов

«Крокодила», а вскоре там же выходит и альбом художников-крокодилцев.

* *
*

Перевод иностранного юмора — дело весьма тонкое, здесь мало знать язык, необходимо обладать, так сказать, двойным чувством юмора. И поэтому следует сказать доброе слово о переводчиках и прежде всего — о подлинных мастерах этого нелегкого искусства.

Это Наум Лабковский — «чрезвычайный и полномочный посол польского юмора». Он открыл советскому читателю Анатоля Потемковского, Януша Осенку, Стефанию Гродзенскую и многих других отличных польских сатириков и юмористов.

Елена Тумаркина — «веселый почтальон», доставившая нашим читателям немало смешных венгерских рассказов.

Георгий Кофман давно и плодотворно переводит юмор народов Югославии.

Григорий Александров познакомил читателей «Крокодила» с одним из крупнейших современных сатириков — турецким писателем Азизом Несином.

Евгений Туганов, человек, влюбленный в литературу Болгарии, бережно сохраняет не только сюжет, но и тончайший, как запах казанлыкской розы, аромат болгарских рассказов.

Владимир Богачев первым ввел блестящего финского сатирика Мартти Ларни на страницы «Крокодила».

С помощью тонкого мастера художественного перевода Диноры Шполянской (ныне покойной) достоянием читателей «Крокодила» стали лучшие образцы румынского юмора...

* *
*

Звонит телефон. Вахтер с первого этажа редакционного комбината недоумевает:

— Тут какой-то иностранец. Твердит: «кокодрилло», «кокодрилло», а больше ни бум-бум. Может, к вам?

Спускаюсь. Пожилой человек с пакетиком в руках. Находим общий язык — английский. Хирург из Аргентины. Приехал на конгресс кардиологов. Давнишний подписчик «Крокодила». И в знак уважения и признательности принес вот это... Разворачивает пакет, а в нем чучело всамделишного крокодиленка, выпотрошенный животик заштопан, в лапки сунута красная пластмассовая гитарка.

Ну, казалось бы, что этому хирургу там, в его Санта-Фе, наш «Крокодил»? А вот поди ж ты, значит, и в далеком Санта-Фе есть добрые друзья у нашего зубастого вилонсоца!

Г. РЫКЛИН

УЛЫБКИ СТАРОГО БЛОКНОТА

Он жив-здоров, мой старый крокодильский блокнот. Он чувствует себя неплохо — разговаривает, шутит, улыбается.

Давайте послушаем, о чем он сейчас разговаривает, что вспоминает, чему улыбается.

ПТИЦЫН, ПТИЦЫН И ЕЩЕ РАЗ ПТИЦЫН

Я написал для «Крокодила» небольшой рассказ. Тема — курортный ловелас.

Надо было дать фамилию главному герою рассказа. Я наугад раскрыл телефонный справочник, ткнул пальцем и попал в какого-то Птицына.

Эта фамилия и была присвоена шустрому курортному сердцееду. А назвал я его Игнатом.

И рассказ был озаглавлен так:

«Проделки Птицына».

О выходе очередного номера журнала было объявлено в газете. Там же было помещено содержание номера. В частности, упомянуты «Проделки Птицына».

В мой кабинет вошел гражданин средних лет с холщовым портфелем.

— Здравствуйте. Разрешите отрекомендоваться — Птицын. Да, тот самый Птицын, о котором вы смешной рассказец сочинили.

— Позвольте... но... ваше имя — Игнат?..

— Федор, но это неважно. А важно другое — кто вам про меня дал материал. Я знаю. Сережка Сургучов! Это факт. Я председатель артели. А он мой заместитель. Вот и подкапывается. Сейчас вам все станет ясно. Сургучов обвиняет меня в растрате. Но я эти две тысячи взял в виде аванса. Обязательно покраю. А между тем кто заключил с частником договор на постройку сарая? Сургучов! Кто во время моего отпуска совершал товарообменные операции? Сургучов! Могу все документально подтвердить.

— Пожалуйста. Приходите с документами, будем разговаривать.

— А насчет моей квартиры в вашем рассказе тоже упомянуто?

— Упомянуто.

— Вот негодяй! Не беспокойтесь, это я о Сережке Сургучове. Обо всем, подлец, успел доложить. Тут действительно мой грех. Дал я жилищному кооперативу несколько ящиков гвоздей, стекла и оконных приборов. Ну, и — обыкновенное дело: выкроили они мне квартиру с балкончиком. А Сережке завидно. А как он сам, смею вас спросить, дачку приобрел? Вам неизвестно?

Как только он вышел из кабинета, зазвенел телефон. Беру трубку.

— Алло! Это говорит Птицын.

— Какой Птицын?

— Вот в этом-то и все дело. Не Игнат... Обратите внимание, не Игнат, а Иван.

— В чем дело?

— Вы напечатали в «Крокодиле» рассказ о Птицыне. Ясное дело, не обо мне, а об Игнате.

— Так чего же вы хотите?

— Хочу жену свою успокоить. Значит, вы писали об Игнате, а я, Иван, тут ни при чем. Условились?

Я повесил трубку. Тотчас же в кабинет вошел молодой человек, совершенно лысый и в желтых крагах.

— Пардон. Я — Птицын.

— Вы — Игнат Птицын?

— Ошибаетесь. Вы, наверное, хотите сказать — Николай Птицын. Да. Я и есть Николай Птицын. Тот самый, кому посвящен ваш рассказ. Я догадываюсь, о чем идет речь.

В тот же день меня посетили еще пять Птицыных.

КАК МЕНЯ ДУРАЧИЛИ

Это рассказ о том, как меня, редактора «Крокодила», в течение долгих часов дурачил Илья Алексеевич Суханов, председатель сельского Совета.

Познакомился я с ним случайно в Вышнем Волочке.

— Поезжайте со мной в Овсище,— сказал он.— Конечно, ничего особенно интересного не увидите. Но, может, пригодится вам...

На краю Вышневолоцкого района, в самом углу, среди лесов и болот, лежит древнее село Овсище. До города, до железной дороги верст пятьдесят. А добраться до города не так легко, особенно весной и осенью: рытвины и ухабы, липкая грязь.

Суханов всю дорогу ныл:

— Живем в глухомани. Особенно хвалиться нечем. Леса большие, темные, скучные. А о культуре тут и думать не приходится.

Есть такие люди — любят жаловаться, хныкать. А ведь сам-то этот председатель — сравнительно молодой человек. Служил в Красной Армии. Вместо того, чтобы поднимать это лесное село к новой жизни, плачется, ноет...

— Глушь, темень,— продолжает Суханов свою волюнку.— Что с нас звать?

— А ликбез у вас есть?

— Два года назад был, а теперь нет.

— Плохо, плохо, товарищ Суханов. Как же так получилось?

— Очень просто,— отвечает он самым серьезным образом.— К чему нам ликбез? У нас теперь неграмотных, кроме глухой бабки Агафьи, нет и не предвидится. В этом смысле кое-что сделано. А так вообще — глушь, темень, леса дремучие.

Въезжаем в село. Я сразу обратил внимание на следующую деталь: у каждой избы висит ящик с надписью «Для писем и газет».

— Это еще в прошлом году заведено,— объясняет Суханов.— Почтальону все-таки облегчение.

— А много у вас подписчиков на газеты?

— Думаю, что теперь нет ни одного двора без газет и журналов. В этом смысле кое-что сделано...

— А школа у вас есть?

— Особенно хвалиться нечем. Теперь почти в каждом селе школа.

— Какая у вас школа? Начальная?

— Две начальные. Одна неполная средняя. А вот эта...

Мы сошли с телеги. Пешком повернули вправо. Перед нами возникло огромное, красивое, еще малость не достроенное здание.

— ...А вот это заканчиваем стройку десятилетки.

— Что это у вас рядом со школой?

— Ничего особенного. Так себе. Библиотека. Слабовато у нас насчет этого. Даже Шекспир неполный. Всего три с половиной тысячи книг. А так вообще...

— А так вообще,— закончил я,— глушь, темень, леса дремучие...

Мы посмотрели друг на друга и весело рассмеялись.

Он радовался тому, что обманул меня. Я же первый раз в жизни радовался тому, что был обманут.

НИКАКОЙ ДРУЖБЫ...

Он пришел ко мне просить «пропустить заметку» в журнал.

— Фамилия моя — Никаноров. Служил в дворниках в Марьиной роще. Несправедливо уволили.

— За что вас уволили?

— Объясняют, что за связь с субъектом по фамилии Куделька. Подали на меня заявление, что я с ним вместе увлекаюсь алкогольными напитками.

— А это неправильно?

— Конечно, неправильно. Пью и сам знаю, что неправильно.

— А что, этот Куделька — ваш друг?

— Боже меня упаси! Чисто деловое знакомство. При исполнении служебных обязанностей. Как я вам уже докладывал, служил я в Марьиной роще в дворниках. А Куделька, то есть субъект, проживает в этом районе. Большой художник в смысле выпивки. Но как напьется, выйдет на улицу и несознательно орет благим матом. Так орет, что трудно даже себе представить. Мне как дворнику приходилось не раз помогать постовому милиционеру отводить его за эти безобразия в отделение. Раз отвел, другой раз отвел — ну, конечно, познакомились и стали за компанию выпивать. Вот и все. А дружбы промеж нас никакой нет!..

ЕЕ ДЯДЯ

Посетительница мило и загадочно улыбалась.

— Не узнаете?

Я растерянно молчал.

— Неужели не узнаете?

Она повернулась ко мне в профиль. Затем опять анфас.

— И сейчас не узнаете?

— Простите, не припомню. Когда мы с вами виделись?

— А мы никогда не встречались. Но вы хорошо знаете моего дядю. А я очень похожа на него...

Н. МОНАХОВ

ГЛАВНЫЙ СОТРУДНИК

В день своего пятидесятилетия Крокодил выступит с отчетным докладом о работе, преданной за полвека. В одном из разделов доклада он воздаст должное постоянным сотрудникам журнала. Вот что он скажет об одном из них:

«С глубокой признательностью я хочу отметить исключительно плодотворную работу главного сотрудника журнала — товарища Ч. На протяжении полувека он был и, я надеюсь, останется моей правой рукой».

Возможно, эта похвала покажется несколько суховатой, но ведь Крокодил вообще не умеет курить фиммиам, даже с фильтром.

Кто же он, этот таинственный товарищ Ч., творческому долголетию которого можно только позавидовать? Это ты, дорогой товарищ Читатель!

С первых дней существования журнала в редакции функционирует постоянно действующее производственное совещание, в котором участвуют, с одной стороны, Крокодил, с другой — читатели. Начинается оно ежедневно утром и длится целый день. Нельзя ли закругляться хотя бы чуток пораньше? Нет, нельзя. Ведь ежедневно нужно предоставить слово сотням читателей — участников совещания.

— Ага! — не без злорадства ухмыльнется какой-нибудь администратор, который не одни штаны протер на разного рода совещаниях. — Сколько раз Крокодил щекотал нашего брата вилами за пристрастие к заседательской суете, а он, выходит, сам страдает заседательским зудом! Да еще ежедневно отрывает от общественно полезного труда несколько сотен человек, не работающих в журнале. Врачу, исцелился сам!

Однако наш критик прямехонько попадет пальцем в небо. Во время совещания его участники-читатели плодотворно трудятся на

своих рабочих местах: за станком и пультом программного управления, на колхозной ниве и ниве просвещения, за прилавком магазина и на строительной площадке. В совещании они участвуют заочно. Их представляют присланные в редакцию письма (от 400 до 500 ежеднев- но).

Итак, 10 часов утра. Сотрудники отдела писем рассортировали почту дня. Постоянно действующее производственное совещание Крокодила с читателями началось. Председательствует редактор отдела писем Татьяна Григорьевна Боброва.

— Кому из читателей предоставить первое слово? — спрашивает она сотрудниц.

«Уважаемый Крокодил! Порой, приходя в магазин, я вот о чем думаю,— делится своими мыслями читатель Ю. Работко.— Кинули в прошлое времена, когда люди стояли в очередях за галошами, искали керогаз, когда любое пальто, как бы оно ни было неладно скроено и плохо сшито, шло нарасхват. Тогда предприятиям некогда было думать о качестве. Главное — количество. А сейчас полки магазинов ломятся от товаров. Но как часто покупка огорчает! К примеру, три человека купили по стиральной машине. Одному досталась отличная машина, у второго она слегка хандрит, а третий, промучившись с покупкой полгода, относит ее в металлолом. А ведь все три машины сделаны на одном заводе и, возможно, в одном цехе. Припечатай, Крокодил, своими вилами позорное клеймо бракоделам».

— Согласен,— говорит Крокодил.— Давайте-ка устроим на страницах журнала Выставку Плоховатых Вещей. Отведем ей целый номер. А читателей попросим прислать экспонаты.

Если раньше к подъезду редакции подъезжал пикапчик с мешком писем, то в дни подготовки Выставки Плоховатых Вещей потянулись грузовики. Грузчики выгружали тюки с синтетическими шубами и транзисторные приемники, связки электрических чайников и серванты. А из одного колхоза поступила срочная телеграмма: «Отгружаем выставку плоховатых вещей новенький трактор зпт желдорога принимает его малой скоростью зпт просим задержать открытие выставки прибытия нашего экспоната вскл». Пришло отправление председателю колхоза телеграмму-«молнию»: «Ввиду отсутствия складских помещений трактор принять не можем вскл Просим заменить оригинал экспоната фотокопией тчк Крокодил».

Несладко пришлось тем, кто увидел творения своих рук на Выставке Плоховатых Вещей, которой был посвящен специальный номер журнала (№ 35, 1971 г.).

Вернемся на наше заочное совещание. Из отдела писем, где оно проходит, доносятся раскаты хохота. Это зачитываются присланные читателями материалы для рубрики «Нарочно не придумаешь».

«...И, наконец, о достоверности подписи акта. Ваши сомнения напрасны, акт подписан экспертом Назаровым В. Ф., подпись он изме-

нил в связи с переходом на руководящую работу».

(Из служебного письма.)

«За последнее время я увлекся воспитательной работой с подчиненными, а себя лично упустил из виду и начал пьянствовать».

(Из объяснительной записки.)

«Если вам нужно увеличить семью, наш фотограф сделает это ментально».

(Объявление фотоателье.)

— Очень смешно! — ммуро говорит один сотрудник, известный в редакции как человек крайне осторожный. — Только где доказательства, что все это не придумано нарочно?

Вопрос вполне законный, но доказательства есть. Присланы подлинники документов либо заверенные печатью копии. Очень много также фотоснимков нелепых объявлений. Будет над чем посмеяться!

А это что за письмо из Рязани? Его подписал 61 человек. Оно также имеет отношение к разделу «Нарочно не придумаешь». В журнале однажды было перепечатано объявление из газеты: «Пятигорский машиностроительный завод приглашает на работу инженеров-конструкторов, имеющих опыт работы маляров». В объявлении допущена синтаксическая неточность, и поэтому оно звучит довольно забавно. На самом же деле заводу требуются не конструкторы, имеющие опыт работы маляров, а просто конструкторы и опытные маляры.

«Никакой бессмыслицы мы в этом объявлении не усмотрели, — отчасти в шутку, отчасти всерьез пишут рязанские читатели. — Мы тоже работаем конструкторами, но дирекция частенько вручает нам кисти и ведра с краской и посылает в цеха красить готовые станки».

М-да, вот вам и синтаксическая неточность! Факт, что и говорить, удивительный. Письмо рязанских конструкторов немедленно отправляется в типографию.

Читатель «Крокодила» не только информатор, поставщик тем и фактов, рассказов и рисунков. Он участник читательских конкурсов остроумия, которые регулярно проводятся на страницах журнала.

Он энциклопедист. «Крокодилская Сатирическая Энциклопедия», публиковавшаяся в журнале в 1971—1972 годах, полностью составлена читателями. Около двадцати тысяч человек решили попробовать свои силы на необычном поприще.

Читатель — строгий критик. Когда Крокодил проводил конкурсы рассказов, членами жюри конкурса были читатели. Дипломы лауреатов были вручены тем авторам, чьи рассказы получили наибольшее количество высших читательских оценок. А сколько ежедневно Крокодил получает писем, начинающихся словами: «Ты правильно сделал, Крокодил, что...», «Я поддерживаю твое выступление с...», «В дополнение к опубликованному фельетону хочу добавить...» Разумеется, бывают и письма, начинающиеся так: «Хочу тебя огорчить, Кроко-

дил. Напрасно ты...», «Крепко ты меня огорчил фельетоном...» Ну что ж, деловая критика — двигатель прогресса. Крокодил всегда благодарит за нее и, в свою очередь, платит критической монетой тем читателям, которые, по его мнению, ошибаются (см. в журнале раздел «Крокодильский узел связи»).

— Ну, положим, Крокодил, ты убедил. Верю, что читатели принимают большое участие в издании журнала,— скажет иной скептик.— Но если Крокодил ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, получает в среднем 400—500 писем, сколько же это будет в год?

— До ста двадцати тысяч.

— Вот-вот! А ты сам писал однажды, что если все письма использовать в журнале, то каждый номер по толщине и весу оставит далеко позади любой том Большой Советской Энциклопедии. Но журнал, как и автобус, не резиновый, он обладает строго определенным числом строкмест. Стало быть, ты можешь в той или иной форме использовать в журнале всего лишь...

— Максимум тысячу с небольшим писем. Кроме того, еще восемь-девять тысяч писем не нуждаются в публикации. В них читатели делятся с редакцией своими впечатлениями о журнале, дают советы.

— Ну, все это составляет от силы десять процентов годовой почты. Выходит, остальные девяносто процентов читателей напрасно тратят чернила, бумагу, загружают почту?

— Ошибаетесь, гражданин скептик! Фельетоны, заметки, рисунки по письмам читателей — всего лишь небольшая часть добрых дел, которые рождаются этими письмами. Очень много писем, в которых читатели информируют о подмеченных ими недостатках, редакция направляет для принятия мер, по ним составляются сводки для министерств и ведомств. И, хотя письмо не было напечатано, его автор со временем убеждается, что оно принесло немалую пользу. А что касается читательских рисунков, юморесок, участия читателей в конкурсах остроумия, то здесь, как и в любом соревновании, побеждает сильнейший.

Один старый журналист, много лет проработавший в отделах писем разных редакций, высказал однажды очень правильную мысль: «Скажите мне, сильно ли загружены работой сотрудники отдела писем, и я скажу, популярен ли ваш журнал».

Загляните в редакционную столовую, и вы увидите, что сотрудники отдела писем «Крокодила» обычно обедают на скорую руку. Им всегда некогда. Кстати, и мне пора, дорогой товарищ Читатель. К редакционному подъезду только что подъехал пикапчик. Меня ждут твои письма, коллега-крокодилец.

М. СЕМЕНОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

Если вас попросят сделать очередной номер «Крокодила», то не следует особенно робеть. Каждый из нас, крокодилцев, делал это много раз, и всегда что-нибудь получалось. Только не надо суетиться, проявлять рвение, быть не в меру усердным. Возможно, все это уместно в любом другом случае, но не в данной ситуации, когда вам предстоит выпустить в свет очередной «Крокодил».

Не следует, например, приходиться в редакцию слишком рано в тот день, когда затевается новый номер журнала. Может случиться, что вас спросят, готов ли заданный вам фельетон, в то время как клетки вашего мозга абсолютно пусты, словно все 264 квартиры многоэтажного дома, к которому строители забыли подвести газ, электричество и воду. Ситуация не из приятных. Но допустим, что такой разговор спозаранку вам не угрожает. И все же ничего интересного вы не увидите, только создадите дополнительную нагрузку городскому транспорту в самые пиковые часы «пик».

Может быть, вы рассчитываете услышать, как с пушечным громом хлопают двери лифтов и из них выскакивают авторы рассказов, фельетонов, карикатур, согревающие себя надеждой, что они еще могут осчастливить своими произведениями читателя очередного номера? Но артиллерийской перестрелки не слышно, авторы отсутствуют. В холле и коридоре ни души. Тишина.

И вдруг, усевшись за рабочим столом, вы слышите ритмичный перестук каблучков. Можете не сомневаться: это курьерша Таня. Она волочит по полу два огромных бумажных мешка с письмами — один обычный, а на другом еще не устоявшимся почерком Тани выведено «КСЭ». Обычный, простой мешок она затаскивает в отдел писем, а другой прислоняет к двери иностранного отдела, где за отсутствием

Дидро, Даламбера, Руссо и других великих французских энциклопедистов трудятся над отбором поступающего от читателей материала для «Крокодильской Сатирической Энциклопедии» Марк Виленский, Зиновий Юрьев и Володя Митин. Последний, кстати, прекрасно владеет языком прекрасной Франции и потихоньку использует его в своих фельетонах, написанных из Рязани, Дяткова и Борисоглебска. Но пока энциклопедистов нет, и мы еще не знаем, какое примут они толкование, например, слова «кружок»: «подсудимые, обвиняемые в групповом хищении колбасных изделий», «общий рынок» или «редакционная коллегия иллюстрированного журнала» (явный намек на родную редколлегию!).

Да, пока в эти утренние часы жизнь в редакции, скажем прямо, не бьет ключом. Но вот опять раздаются чьи-то уверенные шаги, шум отодвигаемой мебели. Не обольщайтесь: это еще не секретарь редакции, пожелавший с нынешнего номера изменить не только привычный облик журнала, но и обстановку в самой редакции. Нет, явился не он, а рядовой сотрудник «Крокодила», автор коротких юморесок, старейший темист, член ССП Александр Васильевич Чикарьков, чтобы передвинуть горшки с цветами и полить их. Это он развел в редакционных комнатах столь диковинные растения, что при виде их нежнейших соцветий жалобщики невольно забывают свои горькие невзгоды, а сердца самых суровых опровергателей становятся мягкими, как воск.

Но, между прочим, тех, кто должен делать нынешний номер «Крокодила», пока нет. Наверняка они решили явиться к главному событию дня — темному совещанию...

ВОТ ТЕМИСТЫ ИДУТ...

Да, это идут они, верные, неутомимые и храбрые солдаты «Крокодила». Но пока у них вполне мирный вид, и еще никто не знает, какое грозное оружие приготовили они для нападения на своих извечных «домашних» врагов: бюрократов, хапуг, склочников, — и врагов закордонных: колонизаторов, агрессоров, фабрикантов оружия и прочих типов из своры псов и палачей. Но, повторяю, сейчас о них никак не подумаешь, что это бойцы. Тем более что в данную минуту они предались вполне мирному занятию: разбившись на группы, играют в пинг-понг, настольный хоккей или, став по краям длинного редакционного стола, бросают спичечные коробки. Ничего не подделаешь — разминка.

Само темное совещание ни на что не похоже. Тут никто не приносит докладов и речей, здесь не ведется протокола и не принимается никаких резолюций. Тут рождаются рисунки будущего номера.

Тема — это эскиз карикатуры и подпись к ней. В конце стола находится «гильотина» — обыкновенный мольберт, — и через нее проходят все темы. Непременные члены ассамблеи — темисты сидят вокруг стола, а спикер — главный художник журнала Евгений Шуклаев поочередно показывает эскизы рисунков и громко зачитывает подписи. Нож «гильотины» беспощаден. Он то и дело с грохотом опускается, чтобы обезглавить едва родившуюся мысль. Обычно через «гильотину» проходит 200—300 тем; щадит же она лишь десятую часть.

Чтобы понять причины такой кровавой сечи, достаточно побыть на темном совещании хотя бы несколько минут. Вот на мольберте демонстрируется первая тема. И сразу же раздается чей-то голос:

— Было!

Вторая тема.

— Было! — кричат сразу двое или трое.

Третья тема.

— Было! Было! Было! — теперь уже звучит хор голосов.

«Было» — настоящий бич темиста. Термин этот означает, что похожий рисунок или похожая подпись уже были где-то: в «Сатириконе», «Ойленшигеле», «Шпильках», «Перце», «Чаяне», а то и в самом «Крокодиле». Все встречавшиеся уже когда-то сатирические или юмористические решения какой-то темы коллективная память участников ассамблеи хранит надежно, ошибки исключены. Исключено и то, что темист сознательно скопировал чью-то чужую работу. Нет, он глубоко убежден, что изобрел порохи...

В свое время было предложено несколько радикальных мер борьбы с этим бедствием. Однажды кто-то из художников купил на рынке глиняного кота-копилку и написал на нем: «Было!» Любой проштрафившийся темист опускал в копилку двугривенный. И что же получилось? Хотя финансовые санкции казались достаточно суровыми, количество досадных повторов не уменьшалось. Иной темист приходил в редакцию с надеждой заработать на коньяк, а покидал ее, лишившись нескольких монет, приготовленных на кружку пива и сигареты. Кота торжественно разбили и на собранные деньги приобрели роскошный торт очередной имениннице из отдела писем.

Тогда Юра Федоров, художник, как говорится, на все руки, нарисовал икону и поместил ее в углу зала, где обычно работают темисты. Как только начиналось темное совещание, перед иконой зажигали свечи, освещавшие магическую надпись, исполненную славянской вязью: «Боже, помоги темисту!» Увы, всевышний также отказал в своей божественной помощи.

Как и следовало ожидать, чудодейственным средством оказался смех. Он теперь раздается в тех случаях, когда предлагается заведомо безнадежная тема. Раскатистый, оглушительный, обидный.

Тема подлинно оригинальная, острая, смешная принимается при гробовом молчании. И это влияет на темистов куда сильнее, чем денежные штрафы. Даже профессиональному юмористу не нравится, если над ним смеются...

Вот и сейчас в зале непрерывно хохочут. Значит, ничего хорошего ждать не следует.

Несколько дней назад на «зарядке» представитель секретариата сказал темистам:

— Нас интересует следующее: потери зерна на уборке, бестолковое использование техники, приписки на строительстве, увлечение некоторых деятелей кино показом религиозных обрядов, принудительная подписка на ведомственные издания...

Не так легко перевести эти изложенные телеграфным стилем требования на образный, остроумный язык сатирической графики. Ведь лобовое, прямолинейное решение любой темы для «Крокодила» неприемлемо.

Можно нарисовать таксиста на остановке, который не без задней мысли спрашивает у очереди:

— Кому к трем вокзалам?

На темном совещании по поводу этой темы скажут: «Все правильно!» И «зарубят» ее.

А можно и так. На остановке появляется паровоз с нарисованными по бокам шашечками. И машинист, высунувшись из будки, предлагает:

— Кому к трем вокзалам?

Это уже тема.

Темист — человек особого склада мышления, он должен уметь любой сюжет повернуть так и эдак, пока не покажет его с совершенно неожиданной стороны. Превратить привычный факт, давно примелькавшееся явление в парадокс дано не каждому.

Как-то «Крокодил» проводил среди читателей конкурс на лучшую тему. Победителем стал венгерский студент, проходивший курс наук в Советском Союзе. Он прислал на конкурс эскиз рисунка, состоявший из двух частей. В верхней части был изображен всадник, скачущий на фоне заснеженных гор, — знакомая всем картинка с пачки папирос «Казбек». В нижнем рисунке ситуация изменилась: резвый скакун пал, и над ним, понуря голову, стоит обездоленный всадник. Подпись под вторым рисунком гласит: «Никотин от ста папирос убивает лошадь...»

Темистом может стать только неистощимый на выдумку человек. Примечательной фигурой был, к примеру, ныне покойный Василий Савельевич Кулагин. Он редко поражал мишень, но зато всякий раз это было попадание в самое «яблочко».

Кстати, когда настала пора уходить Василию Савельевичу на пенсию, возник конфликт. Ни в одном официальном перечне не значи-

лось такой профессии — темист. Как быть? К чести Министерства социального обеспечения РСФСР надо сказать, что оно утвердило пенсию В. С. Кулагину и тем самым впервые в истории узаконило профессию темиста, уравнивая его в трудовых правах с артистом, металлостом, окулистом и прочими уважаемыми народом «истами». Для сведения поклонников «Крокодила»: теперь старейшиной ассамблеи темистов является Марк Вайсборд, находящийся в расцвете творческой сил и не помышляющий пока воспользоваться возможностью, открытой благородным решением министерства.

...Но мы немного отвлеклись от последовательного описания творческого процесса по подготовке очередного номера журнала. Что же произошло в зале? Вдоволь насмеявшись, темисты покидают его, грустные и озабоченные. Так и есть: через два дня назначено второе, дополнительное темное совещание. Не зря же говорят, что смех до добра не доводит...

КАК ДЕЛЯТ ШКУРУ

Следующий этап — планерка. Это когда собираются в одном месте представители всех отделов и начинают делить шкуру неубитого медведя, то есть выкраивают для себя наиболее лакомый кусочек на страницах журнала. Идет привычная для любой редакции грызня. Но вот что поразительно: спорят фактически трое. Говорят, что в одной столичной газете теперь стало тринадцать отделов. И не мудрено, что в такой сутолоке на планерке можно ненароком наступить кому-нибудь на ногу. Но трое как будто уж могли бы по справедливости разделить журнальную площадь. И все же с планерки кто-нибудь уходит обиженный: это либо представитель экономического отдела, либо отдела культуры и быта, либо иностранного...

Обычно усилия участников планерки сводятся к одному — поискам «гвоздя». В номере обязательно должен быть хотя бы один материал, о котором читатели говорили бы меж собой:

— А вы видели в последнем номере «Крокодила» карикатуру Ивана Семенова «Родительский день»? Обхохочешься!

— А вы читали в «Крокодиле» фельетон Руслана Киреева «Человек номер один»? Вот приложил одного хапугу, так приложил! Молодец!

Но не каждый раз выпадает удача даже на долю наиболее везучих сотрудников журнала. А «гвоздь» должен быть обязательно. Какой? Непременно острый, отшлифованный мастерской рукой и еще не успевший покрыться ржавчиной времени. Жанр не важен: это может быть и фельетон, и рисунок, рассказ, стихотворение, эпиграмма, искусно составленная подборка «Вилы в бок!» или «Нарочно не придумаешь». Главное, чтобы «гвоздик» ненароком не погнулся

и точно поразил цель. Перелеты и недолеты должны быть заранее исключены.

Ну, а когда «гвоздевой» материал найден, что дальше? Дальше уже легче: надо подобрать несколько злых фельетонов, выбрать два-три рассказа, если не смешных, то уж и не очень грустных, сформировать два постоянных отдела: КУС (Крокодилский узел связи) и «Улыбки разных широт». Причем под «улыбками» подразумевается юмор, а под «разными широтами» — Польша, Венгрия, Болгария и гораздо реже Кения или Аргентина.

Да, чуть было не забыли: нужны еще афоризмы. Вроде, например, такого: «Корова тоже когда-то была диким животным, но она об этом не знает». Или такого: «Многие гении в юности были повесами, но из скольких повес не вышло гениев!» Изречения должны быть как можно туманнее и глубокомысленней.

Есть еще забота: нельзя допускать, чтобы во всех фельетонах действовали, к примеру, одни зымогатели и взяточники — это создает унылость и однотонность, в то время как реальный мир мазуриков гораздо богаче по краскам и оттенкам. Не будет также слишком здорово, если в полосах иностранного отдела читатель обнаружит десять упоминаний падающей Пизанской башни. Образ, конечно, сильный, но надо и меру знать! Не украсит номера и многократное повторение одного и того же географического пункта. Ссылка на то, что добровольные корреспонденты «Крокодила», скажем, из Донецкой области, отличаются особенной активностью, тут не поможет.

Вот за всем этим и должен тщательно следить секретариат. Поэтому он так долго и колдует над пухлыми папками запаса, прежде чем предложить план очередного номера на растерзание планерки...

ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛ СОВЕРШЕНСТВУ!

Но вот уж и планерка позади. На очереди редколлегия по рисунку и составление макета. Они протекают сравнительно мирно и благополучно.

Художественная редколлегия, как ее у нас еще называют, удобна тем, что соединяет в себе сразу три процесса. Здесь рассматривают рисунки (опять в центре внимания мольберт — «гильотина»), говорят о них нелестные (или лестные) слова, тут же их принимают или отвергают. Таким образом, вернисаж, творческое обсуждение работ и закупка выставленных произведений не растягиваются во времени, что очень мучительно для художника, а проводятся, что называется, в один присест. Причем право голоса на этом художественном форуме имеют не только мэтры, такие, как Кукрыниксы, Борис Ефимов, Юлий Ганф, Виталий Горяев, Аминадав Каневский, Алек-

сандр Баженов, но и мастера крокодильского изобразительного цеха рангом пониже. Они все здесь присутствуют, и у каждого есть свое мнение о том или ином рисунке. Другое дело, что не всякий его высказывает, опасаясь быть не понятым коллегами за чрезмерную оригинальность суждений и оценок...

И, в общем-то, дело движется довольно быстро. Получив два-три метких замечания по композиции, типажу, цветовому решению, автор безропотно забирает свой рисунок, чтобы назавтра принести его снова. Счастливчик, проскочивший сквозь взыскательное судилище без сучка и задоринки, дрожащей рукой отирает проступивший на лбу холодный пот и просит у соседа закурить.

Если часто присутствуешь на заседаниях редколлегии по рисункам, то невольно приходишь к выводу, что многие их авторы еще не выбрались из плена мании величия. Это молодые рисовальщики, которым не дают покоя лавры Радакова и Бродаты, Радлова и Черемныха.

Ему заказали «ю-ч-б» (что в переводе на общепринятый язык означает «юмористический рисунок, черно-белый»), а он принес гигантское полотно, чуть ли не в целый лист ватмана. И устроил такую пляску ярких красок, что когда рисунок появляется на мольберте, то в зале сразу становится светлее, а лица корифеев мгновенно мрачнеют. Горе несостоявшемуся Рембрандту! Тебя заставят принести завтра именно «ю-ч-б», а не что-нибудь другое!

Составление макета, над которым колдует Слава Спасский, не представляет собой ничего интересного. Может быть, за исключением одной детали: половину текстов и рисунков в номер втиснуть не удалось. Но кто же придает значение деталям, когда речь идет о формировании целого номера журнала!

На редколлегию по тексту он поступает уже в более или менее готовом виде. Фельетоны, рассказы, стихи, заметки набраны зрбаром, петитом, непарелью, крупно выделены заголовки и фамилии авторов, даны подписи к рисункам, на предпоследней странице помещено даже обязательное сообщение: «Темы рисунков этого номера придумали...» И все же номер готов... менее, чем более. На редколлегии иногда происходят поразительные вещи.

Вдруг кто-нибудь из присутствующих заявляет:

— У меня по этому фельетону есть несколько существенных замечаний.

И пускается в пространные рассуждения, не оставляя в итоге от фельетона камня на камне.

Может быть, такая разносная критика кому-нибудь покажется вполне нормальной. Но только не старожилам. Они-то знают, что непримиримый критик сам этот фельетон заказывал, правил, визиroyвал и сдавал в секретариат. Откуда же взялся критический запал?

Если другой оратор начнет свое выступление со слов: «Хочу откровенно сказать, что Александр Моралевич — один из наших самых талантливых фельетонистов», — то тоже ничего хорошего ждать не следует. От Моралевича и его очередного творения останутся рожки да ножки.

Излюбленным является и такой прием:

— Я этого материала не видел!

— Мне его не показывали!

Бывает, что вся редколлегия дружно наваливается на какой-нибудь рассказ. И не менее дружно от него открещивается. Положение становится угрожающим: выясняется, что никто этот рассказ прежде не читал, не редактировал, а тем не менее он набран, сверстан и стоит в номере. Мистика! Приносят оригинал и обнаруживают на нем визы как раз особенно рьяных хулителей. Объяснение бывает обычно самое простое:

— Мало ли что приходится визировать! Всего не упомнишь!

И все-таки почему обсуждение каждого номера бывает таким бурным? Я лично могу дать этому только одно объяснение. Заседания, совещания в «Крокодиле» сравнительно редки. И люди, натерпевшись в неприятном для них амплу молчальников, спешат на редколлегии наверстать упущенное. А может быть, тут проявляется желание добиться полного совершенства, которому, как известно, нет предела?..

КАК ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОНИ ДЕЛАЛИСЬ!

За истекшие 50 лет вышло более двух тысяч номеров «Крокодила». Через каждые десять дней подписчик получает очередной номер журнала и не задумывается, каких усилий он потребовал. Правильно. Читателю и не следует над этим задумываться, у него других забот хватает.

Но все же я хочу сказать: тем, кто в середине августа 1922 года делал первый номер, было действительно трудно. Я имею в виду нашего первого главного редактора К. С. Еремеева, Б. Ефимова, Н. Иванова-Грамена, Вас. Лебедева-Кумача, М. Черемныха и других литераторов и художников, чьи произведения тогда появились на страницах нового журнала. Ну, а тем, кто пришел после них и трудится сейчас, уже легче. Важно было хорошо начать...

СОДЕРЖАНИЕ

И. АБРАМСКИЙ. Первые шаги	3
Е. ВЕСЕНИН. Крокодил в небесах	18
В. АРДОВ. О друзьях-товарищах	23
Е. ЦУГУЛИЕВА. Шеф гигантов	31
Ю. ГАНФ. Когда мы ошибались...	39
М. ВИЛЕНСКИЙ. Друзья и враги	41
Г. РЫКЛИН. Улыбки старого блокнота	48
Н. МОНАХОВ. Главный сотрудник	52
М. СЕМЕНОВ. Как это делается?	56

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Редактор-составитель А. Е. Вихрев.

Техн. редактор Г. И. Огородников.

Сдано в набор 4/II 1972 г. А 00944. Подписано к печати 14/VI 1972 г. Формат бумаги 70×108^{1/2}_{зв.}. Объем 2,8 усл. печ. л. 3,72 учетно-изд. л. Тираж 75 000. Цена 11 коп. Изд. № 1366. Заказ № 2539.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24

Прозаические и стихотворные афоризмы — в таком оригинальном жанре выступают сразу «СЕМЕРО КРАТКИХ», каковое название присвоено и книжке, составленной из произведений этой великолепной семерки.

Фельетонист - международник В. БОЛЬШАКОВ дал прием. На приеме присутствовали «КОРОЛЬ РУЛЕТКИ», короли вооружений и другие боссы западного мира. Гости остались недовольны приемом, оказанным им на страницах очередной крокодильской книжки.

Часы с кукушкой — это приятная штука. Они ласкают глаз и улаживают слух. Может быть, именно из этих соображений Януш ОСЕНКА и назвал свой сборник юморесок «ЧАСЫ С КУКУШКОЙ». Автор, разумеется, пребывает в надежде, что его юморески тоже ласкают и улаживают читателя. Все может быть!

Цена 11 коп.

